VISIT…

LANZAROTE
Caliente.com

К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России

Д.И. Анучин

Д.И. Анучин

К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д.И. Анучин
Д11 К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России. / Д.И. Анучин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-5669-4

По поводу статьи Ф.П.Кеппена "К истории тарпана в России".

ISBN 978-5-4241-5669-4

© Издание на русском языке, оформление «YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCV.

1896.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія . . . . .

Д. Н. Анучинъ. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи . . . .

Д. О. Кобеко. Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ . . . .

В. Ѳ. Миллеръ. Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ . . . .

Е. Ф. Шмурло. Замѣтка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ. . . . .

Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній о философіи Н. Н. Страхова.

Критика и библіографія.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина *Н. Барсукова.* Книга X. С.-Пб. 1896 . . . .

В. В. Бартольдъ. *Léon Cahun.* Introduction à l'histoire de l'Asie. Paris. 1896 . . . .

А. И. Соболевскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ. Составилъ *Д. А. Ровинскій.* Посмертное изданіе. С.-Пб. 1895 . . . .

М. В. Довнаръ-Запольскій. Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895 . . . .

— Книжныя новости. . . . .

— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Истрина за вторую половину 1894 года (*продолженіе*) . . . .

— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ) . . . .

Современная лѣтопись.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества . . . .

— Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1893 году. . . . .

Д. Н. Анучинъ. А. П. Богдановъ (*некрологъ*) . . . .

Отдѣлъ классической филологіи.

Р. Х. Леперъ. Тридцать тирановъ . . . .

А. О. Поспишилъ. О системѣ формъ латинскаго глагола . . .

М. Н. Крашенинниковъ. Varia (*продолженіе*) . . . . . .

В. В. Майковъ. Олимпійскій VII. Эпиникій Пиндара въ честь Діагора Родосскаго, побѣдителя въ кулачной борьбѣ . .

М. И. Ростовцевъ. Приложенія: I. Латинская надпись изъ Филиппополя. II. Греческая надпись изъ Филиппополя.

Въ приложеніи.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики . . . .

Объявленія.

Редакторъ В. Васильевскій

(Вышла 1-го іюня).

КЪ ВОПРОСУ О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ И ОБЪ ИХЪ ПРИРУЧЕНІИ ВЪ РОССІИ.

(По поводу статьи Ѳ. П. Кеппена: „Къ исторіи тарпана въ Россіи„).

I.

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г., была помѣщена статья Ѳ. П. Кеппена, заключающая въ себѣ сводъ данныхъ о водившемся ранѣе въ южно-русскихъ степяхъ тарпанѣ и представляющая вообще попытку выяснить типъ дикой европейской лошади и вопросъ объ ея прирученіи. Собственно говоря, фактически новаго въ этой статьѣ ничего нѣтъ; авторъ пользовался только литературными источниками (и немногими устными показаніями), но онъ сопоставилъ ихъ въ значительномъ числѣ и пришелъ къ извѣстнымъ опредѣленнымъ выводамъ, изложеннымъ имъ въ видѣ тезисовъ, долженствующихъ порѣшить съ вопросомъ о тарпанѣ и установить рядъ данныхъ относительно прирученія лошади, особенно въ предѣлахъ Россіи. По отношенію собственно къ тарпану авторъ, кромѣ болѣе извѣстныхъ данныхъ, опубликованныхъ Гмелинымъ, Палласомъ, Эверсманомъ, Шатиловымъ и Черскимъ, воспользовался еще нѣкоторыми (впрочемъ второстепенными), разсѣянными въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ, провинціальныхъ и другихъ изданіяхъ, и могъ прослѣдить нѣсколько подробнѣе исторію исчезновенія въ южной Россіи „дикихъ“ лошадей. Въ своемъ стремленіи къ полнотѣ, авторъ не оставилъ безъ вниманія и второстепенные источники, неспособные дать никакихъ новыхъ указаній, и останавливается на нихъ иногда только для того, чтобы выставить ихъ

яко-бы несостоятельность. Такъ, напримѣръ, онъ посвятилъ цѣлую страницу одному частному письму, посланному мною берлинскому профессору Нерингу, въ отвѣтъ на его запросъ относительно тарпана, и опубликованному имъ потомъ въ его статьѣ объ ископаемыхъ лошадяхъ, и сдѣлалъ это только для того, чтобы опровергнуть всѣ показанія этого письма собранными имъ, г. Кеппеномъ, „подробными“ и „точными“ данными. Такъ какъ подобное „опроверженіе“ можетъ произвести на читателя такое впечатлѣніе, что я, намѣренно или по явному незнакомству съ фактами, вводилъ своимъ письмомъ берлинскаго профессора въ заблужденіе по интересовавшему его научному вопросу, то я считаю своимъ долгомъ оправдаться въ этомъ отношеніи и, въ свою очередь, подвергнуть разбору представленное г. Кеппеномъ опроверженіе моихъ показаній.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, когда и по какому поводу было написано мною возбудившее такое вниманіе г. Кеппена письмо. Въ 1883 году, профессоръ Берлинской Сельско-хозяйственной Академіи (Hochschule), А. Нерингъ, обратился ко мнѣ съ просьбою—доставить ему скелетъ тарпана или, по крайней мѣрѣ, его размѣры. Въ отвѣтъ на это желаніе, я написалъ г. Нерингу письмо, въ которомъ сообщилъ о невозможности исполнить его просьбу, такъ какъ, на сколько мнѣ было извѣстно, скелета тарпана не имѣлось ни въ Московскомъ, ни въ какомъ-либо другомъ русскомъ музеѣ. Указавъ затѣмъ вкратцѣ тѣ свѣдѣнія, которыя оставили о признакахъ тарпана писатели второй половины XVIII вѣка—Гмелинъ, Рычковъ, Палласъ, я замѣтилъ, что въ показаніяхъ ихъ есть нѣкоторыя противорѣчія; во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ путешественниковъ прошлаго вѣка не доставилъ ни шкуры, ни черепа этого животнаго. Далѣе я указалъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ мнѣ приходилось слышать, одинъ живой экземпляръ тарпана былъ доставленъ въ Москву, въ даръ возникшему незадолго до того Обществу Акклиматизаціи, а отсюда его „остатки“ (какъ выразился я) были отосланы въ Академію Наукъ, гдѣ академики фонъ-Бэръ и Брандтъ признали въ немъ обыкновенную степную лошадь. Съ этого времени,—продолжалъ я,—свѣдѣнія о тарпанѣ прекращаются и, можно сказать, что въ настоящее время (то-есть въ 80-хъ годахъ) никакихъ дикихъ лошадей въ южной Россіи и въ Арало-Каспійскихъ степяхъ не существуетъ. Что въ южной Россіи жили ранѣе дикія лошади, въ пользу этого имѣются нѣкоторыя историческія свидѣтельства, напримѣръ, отъ XII вѣка и позже; но уже въ XVIII вѣкѣ тарпаны, если они и существовали еще,

были уже значительно помѣшаны съ одичалыми домашними лошадьми, и, какъ особый видъ или порода, близки къ вымиранію. Французскіе и нѣмецкіе зоологи все еще говорятъ о тарпанѣ, какъ о существующей дикой расѣ, но это—весьма сомнительно. Повидимому, теперь (то-есть въ 80-хъ годахъ) существуетъ только одна порода дѣйствительно дикой лошади, именно та, которую встрѣтилъ Пржевальскій въ Центральной Азіи, около Лобъ-Нора, или точнѣе, о которой онъ слышалъ отъ туземцевъ. По ихъ показаніямъ, всѣ эти лошади гнѣдыя и имѣютъ черную гриву и длинный черный хвостъ. Въ Зайсанскомъ посту Пржевальскій пріобрѣлъ шкуру и черепъ одного жеребенка этой породы, которые и были переданы имъ впослѣдствіи Музею Академіи Наукъ. Чтобы дать проф. Нерингу понятіе объ этой лошади, я послалъ ему оттискъ статьи объ ней И. С. Полякова, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества“, за 1881 г. (съ рисункомъ), указавъ при этомъ, что, судя по черепу, описанный экземпляръ еще очень молодой, не способный дать полнаго понятія о типѣ взрослаго животнаго. Вотъ и все содержаніе моего письма, которое проф. Нерингъ призналъ на столько любопытнымъ, что привелъ его цѣликомъ въ своей статьѣ: „Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden“, помѣщенной въ „Landwirthschaftlichen Jahrbüchern“, за 1884 годъ, и которое вызвало, 12 лѣтъ спустя, такое старательное опроверженіе, по пунктамъ, со стороны г. Кеппена.

Г. Кеппенъ приводитъ вкратцѣ содержаніе моего письма и попутно опровергаетъ всѣ его показанія. „Профессоръ Анучинъ — замѣчаетъ онъ — начинаетъ съ того, что нѣтъ ни одного скелета тарпана. (Какъ мы видѣли, *впослѣдствіи* описаны И. Д. Черскимъ два такихъ скелета)“. Совершенно вѣрно, что *впослѣдствіи* (именно въ 1891 году), были описаны Черскимъ—не два впрочемъ—а одинъ скелетъ, да еще одинъ черепъ, но вѣдь въ 1883 году я не могъ предугадать, что послѣдуетъ такое описаніе, и что окажутся такіе остатки тарпана. „Затѣмъ,—продолжаетъ г. Кеппенъ,—сообщаются (Анучинымъ) нѣкоторыя, хотя очень неполныя, литературныя указанія, ограничивающіяся главнымъ образомъ Гмелинымъ, Палласомъ и Рычковымъ, причемъ заявляется о нѣкоторомъ несогласіи въ опредѣленіи масти шерсти. (Мы видѣли, „что, напротивъ того, огромное большинство многочисленныхъ показаній согласно въ томъ, что настоящіе тарпаны имѣли мышастую шерсть)“. Для моей цѣли, въ частномъ письмѣ было достаточно сослаться на показанія такихъ натурали-

стовъ, какъ Гмелинъ и Палласъ, и такого знатока Оренбургскаго края, какъ Рычковъ; ничего существенно новаго не прибавили и послѣдующія описанія (до 1884 года). Что же касается вопроса о „мышастой шерсти“ и о „настоящихъ“ тарпанахъ, то объ этомъ я поговорю подробнѣе ниже. „Далѣе сообщены (въ письмѣ Анучина) не совсѣмъ точныя показанія о тарпанѣ, который былъ уступленъ Московскимъ зоологическимъ садомъ Императорской Академіи Наукъ“. Неточность моя состояла въ томъ, что я выразился „остатки тарпана“, тогда какъ въ дѣйствительности былъ уступленъ живой тарпанъ, „который жилъ *тамъ* еще нѣсколько лѣтъ“. Въ этой неточности я винюсь; произошла она оттого, что точныхъ свѣдѣній объ этомъ экземплярѣ тарпана мнѣ разыскать тогда не удалось, а по разсказамъ — одни говорили, что онъ былъ отосланъ живымъ, а другіе, — что уже трупомъ. Послѣднее мнѣ показалось вѣроятнѣе, потому что, — думалъ я, — гдѣ же Академія могла содержать эту лошадку. Въ дѣйствительности, однако, какъ оказалось потомъ, она была отдана одному изъ академиковъ, который и держалъ ее у себя на дачѣ [1]). Но, во всякомъ случаѣ, экземпляръ этотъ не обратилъ на себя особаго вниманія. Академикъ Брандтъ, въ письмѣ къ одному изъ тогдашнихъ членовъ Общества Акклиматизаціи, выразилъ свое разочарованіе тѣмъ, что назвалъ присланнаго тарпана „скверной крестьянской лошаденкой“. Печатно имъ было засвидѣтельствовано, что лошадка эта „не обнаруживала ни цвѣта, ни другихъ признаковъ дикихъ породъ лошадей“. Академикъ Бэръ тоже заявилъ (въ засѣданіи 14-го ноября 1869 г. Дерптскаго Общества естествоиспытателей), что „лошадка эта имѣла слѣды бывшихъ подковъ и потому могла считаться недавно вырвавшеюся на свободу“ [2]). Въ виду такихъ отзывовъ позволительно было усомниться въ томъ, чтобы послѣ смерти этого экземпляра, остатки его, въ видѣ чучела или скелета, были сохранены, тѣмъ болѣе, что о нихъ не упоминаетъ (въ 1881 г.) и Поляковъ въ своей статьѣ о лошади Пржевальскаго (Equus Przevalskii), не смотря на то, что для сравненія съ описаннымъ имъ экземпляромъ онъ воспользовался всѣми матерьялами (по дикимъ осламъ и лошадямъ), имѣвшимися въ его время въ Зоологическомъ Музеѣ

[1]) По словамъ Радде (*Brehm*, Thierleben, 2-te Ausgabe, Bd. III, 1880), лошадь эта была признана одичавшею и подарена одному любителю (?).

[2]) Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat. III Band. Dorpat 1874, S. 34.

Академіи Наукъ. Только изъ монографіи Черскаго, 1891 года [1]) стало извѣстнымъ, что хранящійся въ академическомъ музеѣ скелетъ крымской лошади есть именно скелетъ тарпана, отъ того экземпляра, который былъ переданъ въ 60-хъ годахъ Академіи Московскимъ зоологическимъ садомъ. — „Затѣмъ — продолжаетъ свои опроверженія г. Кеппенъ, — г. Анучинъ утверждаетъ, что о тарпанахъ, послѣ этого, не было болѣе рѣчи. (Между тѣмъ, въ томъ же самомъ 1884 году, когда было напечатано письмо проф. Анучина, появилось замѣчательное „Сообщеніе о тарпанахъ“ І. Н. Шатилова, которое, по выраженію Черскаго, поставило „пошатнувшійся было вопросъ о тарпанахъ на болѣе реальную почву“. Не могу не обратить вниманія на то обстоятельство, что проф. Анучинъ, повидимому, ничего не зналъ о содержавшемся въ Московскомъ зоологическомъ саду тарпанѣ (Херсонскомъ), — не смотря на то, что онъ самъ, въ то-же самое время, жилъ въ Москвѣ“). Опять долженъ повторить, что письмо мое было написано въ 1883 году и было напечатано Нерингомъ въ его статьѣ, въ 1884 году. Въ то время я никакъ не могъ предугадать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Шатиловъ доставитъ въ зоологическій садъ новаго тарпана — мерина, прожившаго въ Ново-Воронцовской экономіи, въ неволѣ, 18 лѣтъ, что этотъ экземпляръ будетъ подробно описанъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и его черепъ — г. Черскимъ. Опровергать мои показанія послѣдующими фактами довольно странно; слѣдовало бы скорѣе обратить вниманіе на то, что столь обстоятельный натуралистъ, какъ Черскій, тоже признавалъ, что до появленія въ 1884 году „Сообщенія“ г. Шатилова, вопросъ о тарпанѣ былъ „пошатнувшимся“, какимъ считалъ его и я, въ 1883 г. [2]). Непонятно также, на какомъ основаніи г. Кеппенъ высказываетъ предположеніе, будто я ничего не зналъ о присланномъ въ 1884 году г. Шатиловымъ тарпанѣ, не смотря на то, что я жилъ тогда самъ въ Москвѣ. Ниже я постараюсь доказать г. Кеппену противное, но все это не имѣетъ отношенія къ моему письму, написанному мѣся-

[1]) *Черскій.* Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирскою экспедиціею 1885—86 гг. С.-Пб., 1891.

[2]) Кромѣ того, эта „реальная почва“, по Черскому, состоитъ лишь въ томъ, что „Сообщеніе“ г. Шатилова, *„далеко не предрѣшая проблему ихъ* (тарпановъ) *происхожденія“*, убѣждаетъ насъ только въ томъ, „что и въ наше время (1866 г.) въ степныхъ мѣстахъ южной Россіи, попадались странствующіе косяки лошадей (отъ 7 до 9 штукъ), не имѣющихъ хозяевъ, при чемъ по цвѣту шерсти лошади эти близки къ тарпанамъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ описывалъ Гмелинъ“.

цевъ за 8—9 до появленія въ Москвѣ Шатиловскаго тарпана. „Проф. Анучинъ указываетъ далѣе на то, что пространство южной Россіи на столько заселено, что гдѣ-нибудь уцѣлѣвшіе тарпаны не могли бы остаться незамѣченными. (На самомъ дѣлѣ, какъ выше изложено, показанія о существованія тарпана на Херсонскихъ и Таврическихъ степяхъ повторялись до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія)". Какія же показанія о тарпанѣ извѣстны намъ за время съ 1862 года (когда былъ доставленъ въ Московскій зоологическій садъ живой экземпляръ, уступленный въ 1863 году Академіи Наукъ) по 1883 годъ (время написанія моего письма проф. Нерингу), то-есть за періодъ въ 21 годъ? Изъ подробнаго свода извѣстій, приведенныхъ самимъ же г. Кеппеномъ, видно, что за все это время о тарпанахъ появилось только одно показаніе, самого же Кеппена, въ его „Замѣткахъ при поѣздкѣ по Таврической губерніи", помѣщенныхъ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* за 1865 годъ, да и оно заключалось только въ томъ, что „въ августѣ 1864 года, въ бытность его (г. Кеппена) въ г. Алешкахъ, г. Зеленкевичъ сообщилъ ему, что въ 1861 году онъ видѣлъ еще жеребенка чистой дикой породы въ Князь-Григорьевкѣ, у управляющаго имѣніемъ г. Рахманова". Вотъ и все, яко-бы „повторявшіяся" показанія!—„Впрочемъ, проф. Анучинъ соглашается съ тѣмъ, что въ прежнія времена (напримѣръ, въ XII-мъ столѣтіи) тарпаны существовали въ южной Россіи, но оспариваетъ продленіе этого существованія до новѣйшаго времени; по его мнѣнію, если тарпаны еще существовали въ XVIII столѣтіи, то они, въ это время, были уже сильно смѣшаны съ одичалыми лошадьми и, во всякомъ случаѣ, были близки къ вымиранію, въ видѣ особой породы. (Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, что тарпаны, какъ особая порода, просуществовали еще *слишкомъ* цѣлое столѣтіе)". То-есть какъ-же это „слишкомъ цѣлое столѣтіе"? Послѣ XVIII вѣка прошло покуда 95 лѣтъ, а послѣдній описанный экземпляръ тарпана былъ пойманъ въ 1866 году?!

Свой разборъ моего письма г. Кеппенъ заканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „Изъ прибавленныхъ мною, въ скобкахъ, примѣчаній къ отдѣльнымъ пунктамъ, заключающимся въ письмѣ Д. Г. (?) Анучина, явствуетъ, что почти всѣ его показанія опровергаются выше сообщенными подробными и, по возможности, точными данными объ очень недавнемъ еще существованіи въ южной Россіи тарпановъ, какъ самобытной и самостоятельной породы". Мы видѣли уже въ чемъ заключаются эти опроверженія. Непонятно, какую цѣль имѣлъ г. Кеппенъ, подвергая столь придирчивому разбору частное мое письмо, напечатанное безъ моего вѣдома, 12 лѣтъ тому назадъ, проф. Нерингомъ. Впрочемъ, г. Кеппенъ оправдываетъ свою придирчивость ссылкою яко-бы, на мой „авторитетъ". „Въ виду авторитета этого ученаго, я считаю долгомъ остановиться на показаніяхъ и соображеніяхъ его, высказанныхъ въ письмѣ профессору А. Нерингу". Остановиться затѣмъ, чтобы опровергнуть, чтобы уничтожить, очевидно мнимый „авторитетъ"? Чтожъ, и это имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы дѣло шло о какомъ нибудь дѣйствительномъ авторитетѣ и если бы для этого было избрано другое средство, чѣмъ опроверженіе фактами, получившими извѣстность лишь впослѣдствіи...

Странно однако, что ссылаясь на мой „авторитетъ" и подвергая такому придирчивому разбору написанное мною, 12 лѣтъ тому назадъ, частное письмо, г. Кеппенъ, совершенно умолчалъ о моей спеціальной работѣ: „Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи",—работѣ, напечатанной въ 1886 году, то-есть, два года спустя послѣ опубликованія моего письма, и въ которой я, на девяти страницахъ in 4°, говорю и о древнѣйшей исторіи лошади въ Европѣ и Россіи [1]). Повидимому, статья эта осталась совершенно неизвѣстною г. Кеппену, что довольно странно, судя по тому, какъ онъ старался о подборѣ всѣхъ относящихся къ интересующему его вопросу источниковъ. Въ виду очевиднаго не знакомства г. Кеппена съ спеціальною литературой по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ указанномъ трудѣ.

Вопросомъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ я началъ интересоваться еще въ 70-хъ годахъ, ознакомившись съ изслѣдованіями Рютимейера, Натузіуса, Іеттелейса, Сансона и другихъ по этому предмету, но у меня не было собственнаго матеріала, изъ Россіи, для того, чтобы заняться этимъ вопросомъ самостоятельно. Въ 1879 году, во время бывшей тогда въ Москвѣ Антропологической выставки, проф. А. А. Иностранцевъ предложилъ мнѣ принять на себя описаніе остатковъ рода Canis, найденныхъ въ торфяномъ слоѣ при прорытіи новаго Сясьскаго канала. Здѣсь, при земляныхъ работахъ было добыто значительное количество животныхъ и человѣческихъ костей, а также различныя издѣлія изъ камня, кости и рога, относящіяся, очевидно,

[1]) *Д. Н. Анучинъ.* Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, 84 стр. in 4°, съ таблицей (фототипіей), въ „Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда, въ Одессѣ", гл. I. 1886.

къ эпохѣ каменнаго вѣка. Благодаря настояніямъ проф. Иностранцева, всѣ эти остатки собирались производителями работъ и были потомъ переданы ему для Геологическаго музея С.-Петербургскаго университета. Получивъ возможность издать описаніе всѣхъ этихъ остатковъ, проф. Иностранцевъ принялъ на себя собственно геологическую часть и изученіе человѣческихъ издѣлій, а описаніе костей было предоставлено имъ другимъ лицамъ. На мою долю достались, какъ сказано, остатки рода Canis, то-есть, кости собаки, волка и лисицы. Особенное вниманіе обратилъ я на первыя, въ числѣ коихъ имѣлось три болѣе или менѣе полныхъ собачьихъ черепа. Я сравнилъ эти остатки (при помощи измѣреній) съ добытыми изъ свайныхъ построекъ и другихъ отложеній каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Западной Европѣ и описанными Рютимейеромъ, Іеттелейсомъ, Вольджрихомъ, Штудеромъ и другими, а также—съ черепами различныхъ породъ собакъ и волка, имѣвшимися въ Московскомъ музеѣ. Въ результатѣ этой работы явилась довольно большая статья (26 стр. in 4°) [1], въ которой мною были установлены для каменнаго вѣка Приладожья двѣ породы домашней собаки, одна болѣе мелкая, соотвѣтствующая „торфяной собакѣ“ (Torfhund, Canis palustris) швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, и другая болѣе крупная, подходящая по размѣрамъ отчасти къ описанной Іеттелейсомъ Canis matris optimae, отчасти къ изученной Вольджрихомъ Canis intermedius [2]. Первую породу я назвалъ Canis palustris ladogensis, вторую—Canis fam. Inostranzewi. Остатковъ другихъ домашнихъ животныхъ въ коллекціи костей, собранныхъ проф. Иностранцевымъ, не оказалось, такъ что собака была, очевидно, единственнымъ домашнимъ животнымъ на сѣверѣ Россіи въ указанную отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Въ то же время описанные черепа являлись и древнѣйшими извѣстными остатками вообще домашнихъ животныхъ въ предѣлахъ Россіи и представляли поэтому существенный интересъ для первобытной исторіи прирученныхъ породъ въ Восточной Европѣ, откуда ранѣе моей статьи не было извѣстно ничего по данному вопросу. Этимъ

[1]) *Анучинъ*. „Собака, волкъ и лисица“, глава въ книгѣ проф. Иностранцева „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“. С.-Пб. 1882, in 4°, стр. 55—81, съ 2 таблицами (фототипіями).

[2]) Означенныя формы были установлены въ трудахъ: *Rütimeyer*'a, Fauna der Pfahlbauten, *Jetteleis*, въ „Mittheilungen der anthr. Ges. in Wien“, 1872, *Woldřich*, Ueber einen Haushund des Bronzezeit etc. въ „Mitth. d. anthr. Ges. in Wien“, Bd. VII, 1877.

объясняется, почему моя статья обратила на себя нѣкоторое вниманіе на западѣ, и данными ея воспользовались потомъ Штудеръ, Вольджрихъ, Вилькенсъ и другіе, при своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ той же области [1]).

Интересуясь вопросомъ о расахъ древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ въ Россіи, я искалъ остатковъ ихъ и среди костей изъ другихъ отложеній каменнаго и металлическаго вѣковъ, напримѣръ, изъ извѣстной стоянки у села Волосова близъ Мурома, также изъ пермскихъ „костищъ“, нѣкоторыхъ кургановъ и т. д., но долго находилъ лишь весьма скудный матеріалъ. Только въ 1884 году мнѣ удалось получить почти полный скелетъ собаки, найденный извѣстнымъ изслѣдователемъ Волосовской стоянки, П. П. Кудрявцевымъ, въ самомъ низу культурнаго слоя, на глубинѣ около $1^1/_2$ аршина, въ нерушенной еще толщѣ и почти непосредственно надъ слоемъ бѣлаго песка, однимъ словомъ, при условіяхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ его принадлежности каменному вѣку. По своимъ размѣрамъ собака эта оказалась сходною съ „торфяною“ и особенно съ мелкою породой Приладожья, представляя лишь нѣкоторыя уклоненія въ подробностяхъ. Объ этой находкѣ я сдѣлалъ сообщеніе на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ (въ 1884 году), которое и было развито затѣмъ мною въ статьѣ, помѣщенной въ I томѣ „Трудовъ“ этого съѣзда (вышедшемъ въ 1886 году). Кромѣ вопроса о древнѣйшихъ породахъ собаки въ Россіи, я коснулся въ этой работѣ и первобытныхъ породъ другихъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ и лошади. По отношенію къ послѣдней, я указалъ на многія находки лошадиныхъ костей (дикой лошади) въ постпліоценовыхъ отложеніяхъ Западной Европы и Россіи и привелъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи дикихъ лошадей и въ историческую эпоху, съ VIII по XVI вѣкъ, а въ Россіи и въ теченіе всего XVIII вѣка и даже позже. Затѣмъ, сообщивъ о двухъ живыхъ экземплярахъ тарпана, доставленныхъ въ Москву, въ 1862 и въ 1884 годахъ, я поставилъ вопросъ—былъ ли

[1]) *Studer*. Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersee's, въ „Mitth. d. Bern. Naturforsch. Ges.“ 1883; его же „Zwei grosse Hunderassen aus der Steinzeit“ etc., тамъ же, 1898; *Woldřich*, Zur Frage über die Abstammung der europ. Hunderassen, Anzeiger d. K. K. Akad. d. Wiss. 1886; *Wilckens*, Die vorgeschichtlichen und Pfahlbau-Hunde. Biologiches Centralblatt, Bd. VI, 1886—87. Штудеръ говоритъ, напримѣръ, во второй своей статьѣ (стр. 87): „Das im Osten, am Ladogasee in jener Zeit (Steinzeit) eine kleine Palustris Form und eine grosse Form, Canis f. Inostranzewi Anutsch. existirte, wissen wir aus den Arbeiten von Anutschin“.

тарпанъ дикой или одичавшей лошадью. „Спрашивается — представляетъ ли этотъ тарпанъ прямаго потомка той дикой лошади, которая водилась въ Европѣ въ доисторическую и раннюю историческую эпоху, или же его слѣдуетъ считать потомкомъ одичалыхъ домашнихъ лошадей въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчались, напримѣръ, въ историческую эпоху въ Америкѣ. Гмелинъ считалъ тарпановъ, очевидно, дикимъ видомъ; напротивъ того, Палласъ склонялся къ мнѣнію, что это потомки одичавшихъ лошадей, принадлежавшихъ калмыкамъ, киргизамъ и другимъ кочевникамъ. Изъ новѣйшихъ натуралистовъ, А. Вагнеръ, Фитцингеръ, М. Н. Богдановъ и И. С. Поляковъ раздѣляютъ мнѣніе Палласа, тогда какъ Эккеръ видитъ въ тарпанѣ типичнаго представителя дикихъ лошадей, какія водились въ Западной Европѣ въ доисторическую эпоху. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ довольно трудно, такъ какъ нѣкоторыя данныя, напримѣръ мышастый цвѣтъ съ чернымъ ремнемъ на спинѣ и отсутствіе каштанчиковъ или мозолей на заднихъ ногахъ (у экземпляра Московскаго зоологическаго сада),—говорятъ болѣе въ пользу типичности тарпана, какъ особой дикой расы,—тогда какъ другія, напримѣръ, нѣкоторыя указанія Рычкова и Палласа, факты дѣйствительнаго одичанія лошадей въ степяхъ Америки и т. д. наводятъ скорѣе на мысль, что мы имѣемъ въ тарпанахъ потомковъ одичавшихъ домашнихъ лошадей. Генъ склоняется къ мнѣнію, что и всѣ другія дикія лошади, о которыхъ упоминается въ историческихъ свидѣтельствахъ, были собственно не дикія, а одичавшія, и подкрѣпляетъ свое мнѣнія соображеніями, которымъ нельзя отказать въ извѣстной вѣроятности. Настоящая дикая лошадь, повидимому, водится еще только въ Средней Азіи, около озера Лобъ-Нора, гдѣ о ней слышалъ Пржевальскій" и т. д. Изъ этой выдержки видно, что въ противность предположенію г. Кеппена,—я своевременно ознакомился съ экземпляромъ тарпана, доставленнымъ въ 1884 году, въ Московскій зоологическій садъ, І. Н. Шатиловымъ, и принялъ во вниманіе результаты его осмотра и описанія.

Затѣмъ, въ указанной моей статьѣ, я перехожу къ обзору древнѣйшихъ слѣдовъ домашней лошади въ Европѣ. Слѣды эти „становятся вполнѣ явственными только въ отложеніяхъ бронзоваго періода, когда лошадь одновременно служила и для питанія, и для работы. Такъ можно заключить по даннымъ, представляемымъ свайными постройками, въ которыхъ кости лошади бо́льшей частью также расколоты, какъ и кости другихъ дикихъ животныхъ, но въ которыхъ

встрѣчаются и многочисленныя удила изъ бронзы, а также и другія части конской сбруи и наряда. Эта лошадь свайныхъ построекъ отличалась небольшимъ ростомъ, широкою и короткою головой и стройными конечностями, чѣмъ подходила къ восточному типу лошадей, представителями коего могутъ служить арабская лошадь и другія азіатскія породы. Какъ показалъ Франкъ, всѣ европейскія породы лошадей могутъ быть распредѣлены по двумъ группамъ, изъ коихъ одна—болѣе крупнаго и тяжелаго склада, съ длинною головой—туземнаго, то-есть европейскаго происхожденія, тогда какъ другая, заключающая въ себѣ болѣе легкія и мелкія породы, съ широкою головой и стройными конечностями, ведетъ свое происхожденіе изъ Азіи.

Къ подобному же заключенію пришелъ извѣстный зоотехникъ Сансонъ, принимающій восемь расъ лошадей, изъ коихъ шесть—съ длиннымъ типомъ головы (долихокефальнымъ)—европейскія, а двѣ—съ короткою головой (брахикефальныя)—родомъ изъ Азіи и Сѣверной Африки. Пьетреманъ, написавшій большое сочиненіе по исторіи лошади (*Piétrement*. Les chevaux dans les temps préhistoriques et historiques. P. 1883), принимаетъ, въ общемъ, то же дѣленіе, но опредѣляетъ иначе двѣ брахикефальныя восточныя расы, называя одну изъ нихъ („азіатскую" Сансона) „арійскою", а другую („африканскую" Сансона)—„монгольскою". Онъ предполагаетъ, что дикая лошадь была представлена нѣсколькими расами, распространенными въ Европѣ и въ Азіи, и что прирученіе ея послѣдовало въ различныхъ странахъ и независимо у различныхъ народовъ. Такъ монголы приручили одну породу, арійцы—другую, первобытныя племена западной Европы—еще нѣсколько. Съ распространеніемъ монголовъ и арійцевъ на западъ, стали распространиться и прирученныя ими породы лошадей, которыя въ Европѣ отчасти вытѣснили туземныя, отчасти смѣшались съ ними и образовали производныя породы. Всѣ эти выводы представляются довольно остроумными и вѣроятными, но во всякомъ случаѣ это не болѣе какъ гипотезы, которыя могутъ быть провѣрены только результатами сравнительнаго изученія современныхъ и ископаемыхъ породъ Азіи и Европы. Покуда въ этомъ отношеніи матеріаловъ собрано еще весьма мало, и мы принуждены довольствоваться отрывочными и то лишь въ послѣднее время установленными фактами. Одинъ изъ этихъ фактовъ—тотъ, что прирученная лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка относится къ другой породѣ, чѣмъ та дикая лошадь, остатки которой мы встрѣчаемъ въ дилювіальныхъ отложеніяхъ Европы, въ пещерахъ и открытыхъ стоянкахъ

эпохи мамонта и сѣвернаго оленя. Науманъ первый показалъ, что лошадь свайныхъ построекъ выказываетъ иной типъ, чѣмъ большинство современныхъ европейскихъ породъ, и что она представляетъ сходство съ арабскою расой, а также съ нѣкоторыми первобытными мелкими породами, сохранившимися въ болѣе глухихъ уголкахъ Европы, какъ напримѣръ съ такъ-называемой Feldmochinger Pferd въ верховьяхъ Дуная. Затѣмъ Стробель и Пигорини могли констатировать, что лошадь италіанскихъ террамаръ относится къ той же породѣ, какъ и лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка Швейцаріи и южной Германіи, тогда какъ Оуэнъ, Сансонъ, Туссенъ и Штудеръ—показали, что дикая лошадь палеолитическаго періода,—изъ отложеній Гренелли, изъ Солютрэ, изъ Брюникельской, Тайнингенской и другихъ пещеръ, даже изъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка,—представляла тяжелый и коренастый типъ и была очевидно сродни современнымъ породамъ першероновъ, арденскихъ и германскихъ лошадей. Основываясь на этихъ данныхъ, Штудеръ высказалъ мнѣніе, что домашняя лошадь свайныхъ построекъ не состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ дикою дилювіальною лошадью,—мнѣніе, которое скоро было подтверждено точными и обстоятельными изслѣдованіями Неринга. Послѣдній, имѣвъ возможность сравнить многіе десятки лошадиныхъ скелетовъ и болѣе 200 лошадиныхъ череповъ (въ музеѣ Берлинской Сельско-хозяйственной академіи), могъ придти въ этомъ отношеніи къ наиболѣе убѣдительнымъ выводамъ, которые заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія. Нерингъ убѣдился, что дилювіальная дикая лошадь средней Европы представляла типъ тяжелой европейской лошади, и что отъ нея, несомнѣнно, ведутъ свое начало современныя тяжелыя домашнія породы Европы, но что домашняя лошадь свайныхъ построекъ (бронзоваго вѣка) происходитъ не отъ нея, а отъ какой-то другой дикой расы, родственной современнымъ азіатскимъ породамъ (арабской, туркестанскимъ и др.). Впрочемъ, говоритъ онъ, изъ этого еще нельзя утверждать положительно, чтобы всѣ легкія, мелкія, короткоголовыя породы европейскихъ лошадей происходили изъ Азіи; возможно, что лошади такого типа встрѣчались и въ Европѣ въ дилювіальную эпоху, рядомъ съ дикими лошадьми болѣе крупнаго и тяжелаго склада. Въ пользу такой возможности говоритъ находка Фраасомъ остатковъ мелкой породы дикой лошади, въ родѣ пони, въ отложеніяхъ ледниковаго періода близъ Шуссенрида, въ Вюртембергѣ. Къ сожалѣнію, остатки эти описаны довольно кратко, и точныхъ размѣровъ костей у Фрааса не приведено". Эта выдержка

изъ статьи, напечатанной десять лѣтъ тому назадъ, доказываетъ, что всѣ главнѣйшіе выводы и предположенія западно-европейскихъ ученыхъ относительно различія древнѣйшихъ породъ домашнихъ лошадей были изложены тогда мною съ большею точностью и полнотою, чѣмъ это сдѣлано въ нынѣшнемъ году г. Кеппеномъ, (на основаніи данныхъ изъ вторыхъ рукъ) на стр. 156, 162 и др. его статьи.

Въ заключеніе, въ упомянутой моей работѣ, я привожу,—главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, собранныхъ Геномъ и Пьетреманомъ,—свѣдѣнія о домашнихъ лошадяхъ въ историческую эпоху, у египтянъ, семитовъ, въ Мидіи и т. д., говорю о гипотезѣ распространенія домашней лошади на западъ изъ степей Средней Азіи, вмѣстѣ съ туранскими засельниками Халдеи, о знакомствѣ, въ глубокой древности, съ лошадью—арійцевъ, о маломъ ростѣ и невзрачномъ видѣ коней сигиновъ, древнихъ германцевъ, каледонцевъ, о распространеніи лошадей у скиѳовъ и древнихъ славянъ, о частыхъ находкахъ ихъ остатковъ въ древнихъ курганахъ и городищахъ, и дѣлаю первую попытку сравнительнаго изученія лошадиныхъ череповъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи и различныхъ эпохъ.

Такъ, мною были просмотрѣны многіе лошадиные зубы и кости изъ „Чортова городища" подъ Москвой и изъ пермскихъ „костищъ" (жертвенныхъ мѣстъ). „Что касается остатковъ изъ пермскихъ костищъ, то уже Рютимейеръ замѣтилъ, что констатированная тамъ порода лошадей была мелкая и выказывала нѣкоторыя особенности въ размѣрахъ. Видѣнные мною остатки, въ общемъ, также это подтверждаютъ, хотя попадаются и остатки болѣе крупныхъ особей, о типѣ которыхъ впрочемъ я не могъ составить заключенія, по фрагментарности остатковъ и малому количеству ихъ. Къ мелкой же породѣ относятся и видѣнныя мною кости изъ Чортова городища, по сравненію ихъ, напримѣръ, съ костями лошади изъ Солютрэ (полученными мною отъ г. Шантра изъ Ліона) или изъ пещеры Bize, во Франціи (добытыми лично мною при раскопкахъ въ 1879 году). Два видѣнныхъ мною курганныхъ лошадиныхъ черепа происходятъ: одинъ—изъ кургана близъ д. Рѣчки, Московской губерніи, другой—изъ кургана Тарскаго округа Тобольской губерніи. Обѣ эти группы кургановъ существенно разнятся между собою по находимымъ въ нихъ предметамъ и были ссыпаны, очевидно, различными народностями. Это доказываютъ уже найденные въ тѣхъ и другихъ—человѣческіе черепа, которые въ московскихъ курганахъ (X—XI вѣковъ) выказываютъ типъ бѣлой расы, и большей частью, долихокефалическую

форму, а въ тобольскихъ (болѣе позднихъ)—характеристичный типъ монгольской расы и брахикефалическую форму. Къ сожалѣнію, лошадиный черепъ изъ кургана Тарскаго округа принадлежитъ не вполнѣ взрослой особи, у которой послѣдніе коренные и клыки только что прорѣзаются, а два переднихъ ложно-коренныхъ только что начинаютъ стираться. Я могъ еще сравнить одинъ фрагментъ черепа ископаемой лошади, найденный въ средней Россіи (но гдѣ именно—неизвѣстно) и скелетъ туркестанской лошади (изъ Самарканда), доставленный въ Московскій зоологическій музей покойнымъ А. П. Федченко. Взявъ необходимыя измѣренія и принявъ во вниманіе признаки, установленные Нерингомъ, я могъ убѣдиться, что черепъ изъ кургана Московской губерніи принадлежитъ тяжелой, долихокефалической, европейской расѣ, тогда какъ черепъ самаркандской лошади выказываетъ болѣе легкій, короткоголовый, восточный типъ. (Принадлежность этого скелета восточной породѣ, родственной арабской, явствуетъ и изъ особенности позвоночнаго столба, поясничная часть котораго имѣетъ только пять позвонковъ, какъ у многихъ типичныхъ арабскихъ лошадей). У курганной московской лошади лобъ и морда ўже, разстояніе отъ затылочнаго отверстія до сошника значительно длиннѣе разстоянія отъ сошника до задняго края небнаго шва, и всѣ три отношенія (длинъ черепа къ ширинѣ и передняго отдѣла глазной линіи къ заднему)—замѣтно больше. Повидимому, къ короткоголовой же породѣ принадлежала и ископаемая лошадь, судя по значительной ширинѣ ея лба, но при отсутствіи передней части черепа нельзя судить объ его относительной ширинѣ. Что касается до черепа изъ кургана Тарскаго округа, то опредѣленіе его породы, въ виду молодости экземпляра, также представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Повидимому, онъ относится къ длинноголовому типу, какъ то явствуетъ изъ отношенія длины черепа къ его ширинѣ. Если же это такъ, то отсюда можно заключить, что эта порода лошадей находилась въ бо́льшемъ сродствѣ съ древнею московскою, чѣмъ съ современною средне-азіатскою породою. Желательно было бы сравнить нѣсколько череповъ, какъ изъ кургановъ Европейской Россіи, такъ и сибирскихъ и сопоставить ихъ съ черепами современныхъ азіатскихъ породъ—у монгольскихъ и тюркскихъ народностей".

Изъ этого извлеченія видно, что, помимо изученія литературы предмета, мною была сдѣлана (10 лѣтъ тому назадъ) и первая попытка разобраться самостоятельно въ имѣющемся—правда, весьма скудномъ—матеріалѣ по древнимъ породамъ лошадей въ Россіи, въ

цѣляхъ установленія ихъ типовъ и сличенія ихъ съ признаками ископаемой лошади съ одной стороны и современной восточной азіатской породы—съ другой, то-есть, положено начало тому изученію череповъ, на желательности и необходимости котораго настаивали Эккеръ и Черскій.

II.

Не довольствуясь сводкой свѣдѣній о тарпанахъ въ Россіи и приведеніемъ мнѣній различныхъ ученыхъ о прирученіи лошади и ея древнѣйшихъ породахъ, г. Кеппенъ выступаетъ съ рядомъ тезисовъ, долженствующихъ установить типъ тарпана, его древность, его связь съ европейскими типами дикихъ лошадей, его прирученіе въ Скиѳіи и т. д., однимъ словомъ набрасываетъ исторію лошади въ Европѣ, начиная съ древнѣйшаго образованія ея типа (или типовъ) и кончая вымираніемъ послѣдняго представителя дикихъ лошадей въ этой части свѣта — тарпана. Подобная работа, однако, чтобы быть достаточно авторитетной, должна была бы опираться на нѣчто бо́льшее, чѣмъ на нѣсколько литературныхъ источниковъ; во всякомъ случаѣ, она подразумѣваетъ, что авторъ воспользовался всею новѣйшею литературой предмета и постарался составить себѣ ясное представленіе о современномъ положеніи вопроса во всемъ его объемѣ. Къ сожалѣнію, статья г. Кеппена не только не основана на какихъ нибудь самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, но и не можетъ быть признана достаточно полною литературною компиляціей по затронутымъ въ ней важнымъ вопросамъ. Не смотря на рѣшительный и авторитетный тонъ, въ ней замѣтно поверхностное знакомство съ предметомъ и игнорированіе многихъ важныхъ, относящихся къ даннымъ вопросамъ фактовъ. Постараемся представить тому доказательства.

Г. Кеппенъ такъ излагаетъ современное положеніе вопроса объ образованіи рода Equus: „Конеобразныя животныя — предки нашей лошади, а именно Anchitherium и въ послѣдствіи Hipparion, обитали въ Европѣ начиная съ міоценоваго періода. Что касается этого послѣдняго рода, то ископаемые остатки его и въ Россіи найдены въ различныхъ мѣстностяхъ, между прочимъ въ Крыму. Профессоръ Нерингъ, упоминая о присутствіи въ Европѣ означенныхъ дальнихъ предковъ лошади (или вообще рода Equus), старается вывести изъ этого заключеніе, что лошадь могла дифференцироваться (изъ рода Hipparion) точно также въ Европѣ, какъ и въ Азіи. Опровергнуть

такое заключеніе не такъ легко, такъ какъ дѣйствительно образованіе рода Equus могло произойти и въ той, и въ другой части свѣта, такъ какъ Hipparion (ближайшій предокъ его) существовалъ въ Европѣ и въ Азіи. Если же вѣрно показаніе Уалласа, что родъ Equus появился въ Европѣ лишь въ пліоценовый періодъ, между тѣмъ какъ остатки его найдены въ Индіи уже въ міоценовыхъ отложеніяхъ, то становится болѣе вѣроятнымъ, что родъ Equus образовался не въ Европѣ, а въ Азіи, и что онъ лишь впослѣдствіи, то-есть въ началѣ пліоценоваго періода, перекочевалъ въ Европу. [Изъ Африки, гдѣ родъ Equus имѣетъ нѣсколько представителей, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ свѣдѣній о третичныхъ остаткахъ его и его предковъ]. Не рѣшаясь высказаться положительно въ томъ или другомъ смыслѣ, я однако же не могу не придать особеннаго значенія тому факту, что дикія лошади, начиная съ пліоценоваго времени, составляли постоянныхъ обитателей Европы, черезъ весь дилювіальный періодъ и до поздняго историческаго времени, — между тѣмъ какъ въ Америкѣ онѣ не пережили дилювіальнаго періода". Въ другомъ мѣстѣ, въ числѣ своихъ тезисовъ, г. Кеппенъ ставитъ на первомъ мѣстѣ такой: „Дикая лошадь водилась въ Европѣ, точно также какъ въ Азіи, по крайней мѣрѣ, начиная съ дилювіальнаго періода и непрерывно до поздняго историческаго времени".

По отношенію къ послѣднему тезису можно замѣтить, что онъ принялъ бы болѣе подходящую форму, если бы изъ него были выкинуты лишнія слова: „точно также какъ", „по крайней мѣрѣ", „начиная съ", „непрерывно", то-есть, если бы было сказано: „Дикая лошадь водилась въ Европѣ и въ Азіи, какъ въ дилювіальный періодъ, такъ мѣстами и позже до историческаго времени". Слова „точно также", „по крайней мѣрѣ", „непрерывно" въ данномъ случаѣ излишни; притомъ „непрерывность" для многихъ странъ Европы, по отношенію къ дикой лошади, нельзя и доказать. Повидимому г. Кеппенъ хотѣлъ этимъ выразить, что такъ какъ имѣются многія извѣстія о существованіи въ разныхъ странахъ Европы дикихъ лошадей въ продолженіи исторической эпохи, то значитъ—эти лошади были прямыми потомками дикихъ лошадей дилювіальнаго періода. Однако, это еще не есть убѣдительное доказательство. Такъ, напримѣръ, имѣется одно свидѣтельство (кажется—XIV вѣка), что дикія лошади водились и въ Бельгіи; между тѣмъ, извѣстный бельгійскій палеонтологъ Дюпонъ, основываясь на многочисленныхъ палеонтологическихъ и археологическихъ раскопкахъ, удостовѣряетъ, что лошадь въ дикомъ состояніи водилась въ Бельгіи только въ продолженіи дилювіальнаго и палеолитическаго періода, тогда какъ въ неолитическій она совершенно исчезла и появилась снова лишь въ металлическій періодъ, но уже въ прирученномъ состояніи [1]). Если же это такъ, то дикая лошадь XIV вѣка была, вѣроятно, скорѣе одичавшею, чѣмъ дикою, и не представляла собою непосредственнаго потомка бельгійской дилювіальной лошади.

Г. Кеппенъ склоняется, повидимому, къ мысли, что родъ Equus образовался въ Европѣ, а не въ Азіи; при этомъ онъ „придаетъ особенное значеніе тому факту, что дикія лошади, начиная (опять начиная?) съ пліоценоваго времени составляли постоянныхъ обитателей Европы,... между тѣмъ какъ въ Америкѣ онѣ не пережили дилювіальнаго періода". Но—при чемъ же тутъ Америка, и почему г. Кеппенъ „придаетъ особенное значеніе" тому факту, что лошадь вымерла въ Америкѣ раньше, чѣмъ въ Европѣ, для подтвержденія того, что родъ Equus образовался скорѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи? Вотъ, если бы было извѣстно, что лошадь вымерла ранѣе (геологически) въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ, тогда этому факту можно бы было придавать значеніе, но Америка, въ данномъ случаѣ, для подтвержденія догадки г. Кеппена такого „особаго значенія" имѣть не можетъ. Замѣтимъ кстати, что въ одномъ мѣстѣ г. Кеппенъ говоритъ, что дикая лошадь существовала въ Европѣ — „начиная съ дилювіальнаго періода", а въ другомъ „начиная съ пліоценоваго времени"; что-же по его мнѣнію, болѣе вѣроятно? Едва ли можетъ имѣть значеніе и ссылка въ данномъ случаѣ на Уалласа, который по этому вопросу, конечно, не авторитетъ. Для выясненія геологической древности лошади въ Европѣ, надо обратиться къ изслѣдованіямъ палеонтологовъ, и притомъ новѣйшаго времени, когда стали обращать большее вниманіе на точное опредѣленіе отложеній различныхъ геологическихъ эпохъ. Впрочемъ, уже довольно давно извѣстно (вошло даже въ учебники), что родъ Equus появился въ Европѣ въ пліоценовый періодъ и именно во второй его половинѣ, къ концу его. Въ долинѣ р. Арно, напримѣръ, (въ Италіи) можно было констатировать двѣ пліоценовыхъ фауны, одну—древнѣйшую съ остатками мастодонтовъ и тапировъ, и другую, болѣе позднюю, въ составъ которой входили: громадный слонъ (Elephas meridionalis), гиппопотамъ (Hip. major), носорогъ (Rhinoceros leptorhinus), этрусскій быкъ (Bos etruscus) и —

[1]) *Dupont*. Bull. de la Soc. Belge de Géologie. VI, 1892.

лошадь. Послѣдняя представлена здѣсь формой *Equus Stenonis* Cochi, которая замѣтно отличается по зубамъ отъ современной лошади, высказывая нѣкоторыя черты сходства съ Hipparion. Впрочемъ, уже въ концѣ пліоцена, а тѣмъ болѣе въ началѣ дилювіальной эпохи, или точнѣе—въ плейстоценѣ—появляются (въ Европѣ) и другія формы рода Equus, отчасти сходныя съ ослами или съ африканскою кваггой, отчасти—настоящія лошади (Eq. quaggoides, Eq. cab. fossilis, Eq. minor и др.), которыя притомъ получаютъ широкое распространеніе, переживаютъ отчасти весь ледниковый періодъ, а нѣкоторыя и весь до-историческій, и даютъ, вѣроятно, начало нѣсколькимъ домашнимъ породамъ, а, можетъ быть, и дикимъ—исторической эпохи.

Подобнымъ образомъ, и въ Азіи родъ Equus появился не ранѣе пліоцена, и показаніе Уалласа, что остатки этого рода найдены въ Индіи въ болѣе древнихъ, міоценовыхъ отложеніяхъ, основано на невѣрномъ прежнемъ опредѣленіи древности Сиваликскихъ холмовъ, третичная фауна коихъ, какъ теперь признано почти всѣми палеонтологами, относится къ пліоцену (а отчасти даже къ плейстоцену). Кромѣ Индіи остатки ископаемыхъ лошадей, въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, были найдены также въ пліоценовыхъ и плейстоценовыхъ отложеніяхъ китайскаго Юннана, Монголіи, сѣверной Персіи (Maragha), что указываетъ на обширное распространеніе этихъ формъ. Но еще большее разнообразіе лошадиныхъ типовъ заключаютъ въ себѣ пліоценовыя и постпліоценовыя отложенія Америки, какъ сѣверной, такъ и южной. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Экуадорѣ, въ Аргентинскихъ пампахъ были найдены многочисленные ихъ остатки, давшіе поводъ палеонтологамъ (Cope, Branco, Burmeister и др.) установить цѣлые десятки ископаемыхъ видовъ (Eq. Andium, curvidens, excelsus, Hippidium и др.)[1]). Африка въ этомъ отношеніи еще мало изслѣдована, тѣмъ не менѣе извѣстно (только не г-ну Кеппену), что остатки ископаемыхъ лошадей были найдены и здѣсь, какъ въ дилювіальныхъ отложеніяхъ Египта, Замбези и т. д., такъ и въ пліоценовыхъ отложеніяхъ Алжира (вмѣстѣ съ Hipparion). Многія изъ этихъ древнихъ формъ высказываетъ однако большее сходство съ типами азіатскихъословъ и африканскихъ зебръ, чѣмъ настоящихъ

[1]) Американскіе палеонтологи различаютъ даже „лошадиные пласты“ (Equus Beds) характерные по множеству находимыхъ въ нихъ костей и зубовъ лошадей. Пласты эти, распространенные въ Орегонѣ, Техасѣ и т. д., относятся къ верхнему пліоцену и плейстоцену.

лошадей. Даже большая часть американскихъ формъ, по замѣчанію Бранко, стоятъ ближе къ ослу и кваггѣ, чѣмъ къ лошади, или представляетъ нѣчто среднее между ними (тоже принимаетъ Копъ для Equus excelsus); тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ азіатскимъ формамъ. Такъ пліоценовый Equus sivalensis, по Лидеккеру, занимаетъ промежуточное положеніе между ископаемымъ Eq. Stenonis и современнымъ E. hemionus (дикимъ осломъ, джигетаемъ); плейстоценовый Eq. namadicus Индіи и нѣкоторые остатки лошадей изъ Юннана, сѣверной Персіи, Монголіи—тоже стоятъ, повидимому, ближе къ осламъ, чѣмъ къ лошадямъ. Впрочемъ, рядомъ съ такими формами, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, существовали и другія, высказывавшія уже въ дилювіальный періодъ всѣ признаки настоящей Eq. Caballus.

И тѣмъ не менѣе, не въ обиду будь сказано г. Кеппену (слѣдующему въ данномъ случаѣ за Нерингомъ), первое появленіе рода Equus, дифференцированіе этого типа, произошло, какъ надо думать, не въ Азіи и не въ Европѣ. Г. Кеппенъ считаетъ непосредственнымъ предкомъ лошади (называя его то „дальнимъ“, то „ближайшимъ“?) гиппаріона (Hipparion), но это весьма сомнительно. Дѣйствительно, ранѣе, когда не были извѣстны другія ископаемыя формы того же ряда, Hipparion признавался предкомъ Equus, но теперь такой взглядъ уже отвергается многими палеонтологами, и на довольно вѣскихъ основаніяхъ. Во первыхъ, гиппаріонъ и въ Индіи, и въ Персіи, и въ сѣверной Африкѣ, и въ Европѣ существовалъ одновременно съ Equus—въ пліоценѣ, и хотя первое появленіе его относится къ эпохѣ болѣе древней, къ міоцену, однако долгое сосуществованіе его съ лошадью заставляетъ видѣть въ немъ скорѣе форму параллельную, чѣмъ прародительскую. Съ другой стороны, и все строеніе Hipparion'а, его carpus и tarsus, его трехпалость (хотя и съ некасающимися земли, зачаточными боковыми пальцами), его коренные зубы спеціальнаго устройства, (верхніе—съ обособленной средней колонкой, съ толстой складчатой эмалью, нижніе—съ отличающимися изгибомъ складокъ), нѣкоторыя особенности его черепа и т. д. все это довольно рѣзко обособляетъ его отъ Equus. Притомъ между обоими типами не было подмѣчено переходныхъ формъ, и хотя видъ Hipparion crassum, изъ пліоцена Руссильона во Франціи, съ болѣе толстымъ среднимъ пальцемъ, и былъ выставленъ Депере (Depéret), какъ болѣе близкій къ Equus, однако въ другихъ своихъ признакахъ онъ удерживаетъ существенныя особенности своего типа.

Подобнымъ же образомъ оставляется теперь и представленіе объ Анхитеріи (Anchitherium), какъ прародичѣ (въ прямой линіи) гиппаріона и лошади, несмотря на прекрасную работу для доказательства такого хода развитія, опубликованную болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, В. О. Ковалевскимъ [1]). Основываясь на тщательномъ изученіи костей конечностей и зубовъ, Ковалевскій старался доказать, что Anchitherium (изъ верхняго эоцена и нижняго міоцена) былъ промежуточнымъ звеномъ между эоценовымъ Palaeotherium medium—ноги котораго были трехпалыя и упирались на всѣ три пальца, и—міоцено-пліоценовымъ Hipparion, у котораго боковые пальцы были зачаточны и не касались земли. Этотъ тщательный анализъ, поведшій къ установленію генезиса типа лошади отъ эоценовыхъ палеотеріевъ, чрезъ формы анхитерія и гиппаріона, обратилъ на себя вниманіе, какъ первый удачный примѣръ фактическаго подтвержденія теоріи эволюціи въ области палеонтологіи. Но съ тѣхъ поръ наука сдѣлала значительные шаги впередъ въ этой области, и въ западныхъ территоріяхъ Соединенныхъ Штатовъ были найдены остатки третичныхъ формъ, разъясняющихъ полнѣе и нагляднѣе генезисъ типа лошади. Профессору Маршу удалось установить по этимъ остаткамъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ, отъ нижне-эоценоваго Eohippus — чрезъ Meso-,Mio-,Proto-Pliohippus—до современнаго Equus. Генеалогія эта была усвоена и европейскими учеными, изъ коихъ Гексли, напримѣръ, изложилъ ее въ одной изъ своихъ популярныхъ статей. Нѣкоторые ученые, правда, (напримѣръ Фохтъ, отчасти также и Копъ) выражали мнѣніе, что типъ лошади могъ дифференцироваться двумя путями, въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, чрезъ смѣну аналогичныхъ, но не тождественныхъ формъ. Однако, такая гипотеза слишкомъ мало вѣроятна, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, европейскій Hipparion настолько отличается отъ Equus, что долженъ быть разсматриваемъ, какъ особая, спеціализированная, параллельная форма. Съ другой стороны, и между Anchitherium и Hipparion существуетъ цѣлая пропасть въ типѣ организаціи, не пополненная еще промежуточными, переходными формами. Все это повело къ тому, что цѣлый рядъ новѣйшихъ изслѣдователей—М. Шлоссеръ, Лидеккеръ, Вилькенсъ, Павлова, Вейтгоферъ, Рогеръ—признаетъ невѣроятнымъ генезисъ типа лошади изъ европейскихъ анхитеріевъ

[1]) *V. Kovalevski*, Sur l'Anchitherium aurelianense et sur l'histoire paléontologique des chevaux, въ „Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg". 1873; также—„Остеологія Анхитерія". К. 1873.

и гиппаріоновъ [1]). Сомнительнымъ признается также и связь прародичей лошади съ палеотеріями, которые составляли, по всей вѣроятности, особую, боковую, вымершую вѣтвь. Древнѣйшимъ прародичемъ лошади былъ, повидимому, эоценовый Hyracotherium, имѣвшій четырехпалыя переднія и трехпалыя заднія конечности, но черепъ котораго уже нѣсколько напоминалъ лошадиный [2]). Дальнѣйшими стадіями (въ Сѣверной Америкѣ) были эоценовые Eohippus, Orohippus и міоценовые Mesohippus и Miohippus. Mesohippus былъ сходенъ съ европейскимъ Anchitherium, также трехпалый, на коренные зубы его и черепъ болѣе подходили къ лошадинымъ; ростомъ извѣстный видъ былъ съ большую собаку (водолаза), имѣлъ болѣе короткую, чѣмъ у лошади, морду, съ большими, выдвинутыми напередъ глазницами, пястье и плюсно у него были короче, и на заднихъ ногахъ онъ былъ выше, чѣмъ на переднихъ. Наслѣдниками его были пліоценовые Proto- и Pliohippus, аналогичные гиппаріонамъ, но болѣе близкіе по своей организаціи къ Equus, какъ о томъ можно судить по зубамъ и по редукціи костей конечностей (ulna и fibula). (У Pliohippus, впрочемъ, хотя на боковыхъ пальцахъ уже нѣтъ фалангъ, коренные зубы представляютъ большее упрощеніе, чѣмъ у лошади, такъ что это, повидимому, была спеціализированная форма и не прародичъ Equus). Въ верхнемъ пліоценѣ и плейстоценѣ формы эти смѣняются уже видами Equus и Hippidium; послѣдній сохранилъ еще одинъ боковой (2-ой) палецъ, но вообще эта была форма, повидимому, параллельная Equus [3]). И такъ, генезисъ типа лошади надо искать въ Сѣверной Америкѣ, а не въ Азіи или Европѣ, что, очевидно, осталось совершенно неизвѣстнымъ г. Кеппену. Отсюда, изъ Америки, формы эти перешли въ Старый Свѣтъ, появившись почти одновременно, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи (вѣроятно, также и въ Африкѣ).

Вторымъ тезисомъ въ своемъ „Заключеніи" г. Кеппенъ, слѣдуя Нерингу, ставитъ слѣдующій: „Начиная съ дилювіальнаго времени

[1]) *M. Schlosser*, Beiträge zur Stammesgeschichte der Hufthiere, въ „Morphol. Jahrbuch", Bd. XII, 1886.; *Weithofer*, Beiträge zur Kenntniss der Fauna von Pikermi bei Athen. 1888; *Roger*, Ueber die ‚Umbildung des Säugethiergebisses und die Entwickelungsgeschichte der Pferde. 1889. М. Шлоссеръ полагаетъ, что вообще всѣ непарнопалыя — носороги, лошади и др. развились въ Америкѣ, а парнопалыя—аноплотеріи, ксенотеріи и т. д. въ Европѣ.

[2]) Прародичемъ Hyracotherium былъ, вѣроятно, пятипалый Phaenacodus.

[3]) Mesohippus и Protohippus связываются между собою рядомъ переходныхъ формъ—Meryhippus, Hypohippus, Parahippus—къ сожалѣнію, еще недостаточно извѣстныхъ.

дикая лошадь существовала въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, въ двухъ разновидностяхъ или породахъ, а именно: 1) Тяжелая рослая лошадь западнаго или длинноголоваго типа, и 2) болѣе легкая, малорослая лошадь восточнаго или короткоголоваго типа". По отношенію къ этому тезису можно сказать, что, насколько извѣстно, крайнія степени въ развитіи роста, сложенія, формѣ черепа и т. д. образовались уже благодаря культурѣ, вслѣдствіе искусственнаго подбора; въ дилювіальный же и доисторическій періодъ дикая лошадь едва ли представляла столь рѣзкія различія въ своемъ типѣ. Но несомнѣнно, что уже и тогда, въ различныхъ мѣстностяхъ она представляла варіаціи, какъ то доказываютъ изслѣдованія Наумана, Неринга и другихъ. Кромѣ того, въ теченіе нѣкоторыхъ эпохъ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, встрѣчались еще, повидимому, въ Европѣ дикіе ослы (тождественные или сходные съ азіатскими куланами) и даже зебро—или кваггообразныя формы [1]). Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ формъ покуда еще недостаточно изучены, и мы не можемъ составить себѣ вполнѣ яснаго представленія объ ихъ типѣ. Это справедливо въ особенности по отношенію къ формамъ древнѣйшаго періода, палеолитическаго и плейстоценоваго, тогда какъ, напримѣръ, домашняя порода свайныхъ построекъ, представленная многими (найденными до сихъ поръ) цѣльными черепами, изучена болѣе обстоятельно. Вообще, можно сказать, что дикая лошадь палеолитическаго періода не отличалась замѣтно отъ многихъ, болѣе первобытныхъ современныхъ европейскихъ породъ домашней лошади. Такъ, напримѣръ, по изслѣдованіямъ Туссена, лошадь Солютрэ была очень близка по своему типу къ современной породѣ Брессы (Bresse) и Бургундіи, только немного помельче; остатки лошади, найденные въ Тайингенской пещерѣ, указываютъ на породу, сходную по величинѣ съ современною—среднихъ размѣровъ, только съ нѣсколько болѣе тонкими ногами; черепъ, найденный въ лёссѣ Ремагена (на Рейнѣ), выказываетъ сходство съ черепомъ болѣе рослой, сѣверогерманской породы [2]). Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія

[1]) Дикій оселъ, куланъ, встрѣчался, повидимому, нерѣдко въ Европѣ (вмѣстѣ съ сайгою и другими степными формами) въ эпоху, слѣдовавшую за ледниковой, когда здѣсь еще не получилъ того развитія лѣсъ, какъ къ началу исторической эпохи, Ср. *Weithofer*, Ueber d. Vorkommen von Eselresten etc. Annalen d. K. K. naturh. Museums. 1887. III.

[2]) Описаніе Toussaint' см. *Mortillet*, Le Préhistorique. P. 1883, p. 382; о лошади изъ Тайингенской пещеры см. *Merk*, Der Höhlenfund im Kesslerloch bei Thayngen. Zür. 1875 S. 9.; *Rütimeyer*, Die Knochenhöhle von Thayingen, въ „Archiv für Anthropologie". VIII, 1875; *Nehring*, Fossile Pferde l. c.

о типѣ древнѣйшей лошади (именно палеолитическаго періода) даютъ, правда, изображенія ея, сдѣланныя рельефно или нарѣзами, на кости, оленьемъ рогѣ, пластинкахъ бураго угля и т. д., первобытными охотниками-художниками, но изображенія эти, найденныя въ нѣсколькихъ французскихъ и швейцарскихъ пещерахъ, настолько разнообразны по характеру и исполненію, что трудно сказать, насколько тѣ или иныя изъ нихъ соотвѣтствуютъ больше дѣйствительности. Такъ, изображенія на оленьемъ рогѣ изъ грота Madelaine (изслѣдованномъ Лартэ и Христи) представляютъ характерныхъ горбоносыхъ лошадокъ съ стоячей гривой и довольно густымъ хвостомъ: такой же хвостъ выказываютъ лошади, изображенныя на костяныхъ пластинкахъ, найденныхъ въ Брюникельской пещерѣ и въ Langerie-Basse. Напротивъ того, рѣзныя (скульптурныя) изображенія лошадиныхъ головъ на оленьемъ рогѣ изъ грота Mas d'Azil, вовсе не выказываютъ горбоносости, и линія ихъ профиля представляетъ характерный выгибъ на границѣ лобной и носовой частей. Иной опять типъ представляютъ изображенія лошадей, найденныя въ Тайингенской пещерѣ; это была, повидимому, порода густоволосая съ стоячей гривой, съ длинными волосами на нижней челюсти, но съ тонкимъ маловолосистымъ хвостомъ, удлиненной мордой, выпуклымъ лбомъ и тонкими конечностями. Видѣть въ этой послѣдней породѣ сходство съ тарпаномъ, какъ это полагаетъ возможнымъ г. Кеппенъ, едва ли есть достаточныя основанія, тѣмъ болѣе, что самыя кости лошадей изъ Тайингенской пещеры, судя по ихъ описанію Меркомъ и Рютимейеромъ, выказываютъ обыкновенные средніе размѣры, притомъ еще съ довольно значительными колебаніями [1]).

Въ третьемъ своемъ тезисѣ г. Кеппенъ утверждаетъ, что „въ южной и югозападной (европейской) Россіи водился дико тарпанъ—начиная съ

[1]) Изображенія лошадей палеолитическихъ художниковъ можно видѣть въ изданіяхъ: *Lartet* et *Christy*, Reliquiae Aquitanicae, *Mortillet*, Album préhistorique, *Cartailhac*, La France préhistorique, *Merk*, *Rütimeyer*, Höhle von Thayingen. Года три тому назадъ д-ръ Нюэшъ опубликовалъ изображенія лошадей на пластинкахъ изъ известняка, найденныхъ имъ въ Швейцерсбильдѣ около Шафгаузена, но они мало характерны. См. Verh. d. Berl. Ges. für Anthropologie 1892. S. 533 Taf. X. Недавно мнѣ привелось видѣть фотографіи съ этихъ изображеній; на нихъ можно разобрать, что на одной пластинкѣ изображены, повидимому, ослы, а на другой пара лошадей съ стоячими гривами и прямымъ профилемъ, не горбоносыя. Статуэтка лошади, найденная въ одной пещерѣ близъ Лурда и описанная Пьеттомъ, признается нѣкоторыми поддѣльною; см. *Piette*, L'équidé tacheté de Lourdes, въ „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1892. p. 436. pl. I.

дилювіальнаго періода вплоть до самаго недавняго времени". Любопытно, что въ началѣ своей статьи, г. Кеппенъ опредѣляетъ географическое распространеніе тарпана иначе, именно онъ говоритъ: „подъ тарпаномъ въ южной и *юго-восточной* Россіи, а также въ Киргизской степи, до самаго недавняго времени, понимали особую породу дикой лошади". Повидимому, однако, составляя свою статью, авторъ пришелъ въ сомнѣніе, жили ли настоящіе тарпаны въ Киргизской степи и на юго-востокѣ Европейской Россіи, а потому, заканчивая ее, рѣшилъ ограничить мѣсто-обитанія тарпановъ только южною и юго-западною Россіей. Что здѣсь существовали тарпаны, это не подлежитъ сомнѣнію, но съ какого времени, данныхъ для рѣшенія этого вопроса у насъ не имѣется. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, чтобы тарпанъ жилъ здѣсь „начиная съ дилювіальнаго періода". Ископаемые остатки лошадей, правда, были находимы неоднакратно въ южной Россіи: Нордманъ и Эйхвальдъ, на основаніи костей, найденныхъ около Одессы, въ Подоліи и Бессарабіи, установили даже нѣсколько видовъ ихъ, (въ томъ числѣ два—ословъ); много ископаемыхъ лошадиныхъ зубовъ и костей было собрано также профессоромъ Роговичемъ и другими. Но, во первыхъ, всѣ эти остатки слишкомъ фрагментарны, а, во вторыхъ, никто еще не сравнивалъ ихъ со скелетомъ тарпана, а потому и нѣтъ научныхъ основаній для утвержденія, что тарпанъ водился въ южной Россіи„, начиная съ дилювіальнаго періода". Мы не имѣемъ даже свидѣтельства о существованіи здѣсь дикихъ лошадей въ историческую эпоху, ранѣе XII вѣка. Г. Кеппенъ, правда, ссылается на Геродота, упоминающаго о какихъ то ἵπποι ἄγριοι λευκοί и полагаетъ, что λευκός можно толковать и какъ вообще свѣтлый, въ томъ числѣ и „мышастый" цвѣтъ. Но это представляется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что два самыхъ извѣстныхъ экземпляра тарпана, остатки коихъ сохраняются въ Петербургскомъ и Московскомъ музеяхъ, были одинъ—гнѣдого, другой—темномышастаго цвѣта, съ чернобурой гривой и хвостомъ, а эти цвѣта едва ли подходятъ подъ понятіе λευκός. Скорѣе этотъ эпитетъ примѣнимъ къ свѣтложелтоватымъ и краснопатымъ мастямъ, къ буланой, саврасой, рыжей впрожелть, игреней, каурой съ подпалинами и т. п., то-есть, къ мастямъ, типичнымъ для дикихъ ословъ, кулановъ и джигетаевъ, и для дикой джунгарской лошади (Equus Przewalskii). Монгольское названіе *хуланъ*, *куланъ* обусловлено, очевидно, мастью; *хула* по монгольски значитъ „саврасый", по другому толкованію—„чалый", что соотвѣтствуетъ (по словарямъ) персидско-тюркскому

jorân, откуда, вѣроятно, наше „игреный, игреневый". Возможно, что въ эпоху Геродота (V вѣкъ до Р. Х.) въ Скиѳіи еще водились дикіе ослы, подобно тому, какъ еще гораздо позже здѣсь водилось другое типичное степное животное, сайга, нынѣ встрѣчающееся только за Волгой, въ Калмыцкой степи и далѣе къ востоку. Въ доисторическую же эпоху, въ палеолитическій періодъ, сайга встрѣчалась даже во Франціи, въ Германіи же и Австріи въ то время жили многія степныя формы: сайги, куланы, суслики, тушканчики и т. д., какъ это особенно доказано изслѣдованіями Неринга.

Наиболѣе важный тезисъ г. Кеппена, которому онъ самъ придаетъ наибольшее значеніе, есть 6-й: „Тарпанъ составлялъ особую породу дикой лошади, принадлежавшую къ типу восточному или короткоголовому". Г. Кеппенъ старается доказать, что этотъ южнорусскій тарпанъ былъ прямымъ потомкомъ малорослой, широколобой, дикой европейской лошади дилювіальнаго періода, или точнѣе, представлялъ собою ту же самую породу, сохранившуюся непрерывно до поздняго историческаго времени. Какъ далеко распространялась эта дикая порода на востокъ, остается неяснымъ, но г. Кеппенъ склоненъ искать тарпановъ даже въ Центральной Азіи. Онъ сопоставляетъ названіе дикой лошади *тарпанъ* съ названіемъ мѣстности *Турфанъ*, и полагаетъ, „что означенная мѣстность получила свое названіе по тарпану, какъ наиболѣе характеристичному животному, въ ней обитающему", въ родѣ того, какъ по Шотту названіе горъ *Тарбагатай* можетъ быть произведено отъ монгольскаго слова *тарбаганъ*, обозначающаго весьма распространеннаго тамъ байбака (Arctomys). Но, если объясненіе Шотта, въ приложеніи къ Тарбагатаю, вѣроятно, то догадка г. Кеппена едва ли можетъ быть признана удачною. Во-первыхъ, въ Турфанской котловинѣ никакихъ дикихъ лошадей теперь нѣтъ (Equus Przewalskii встрѣчается только градуса на два сѣвернѣе, за горами Богдо-ола, къ с. отъ Гучена, въ пескахъ Центральной Джунгаріи), да, вѣроятно, не было и прежде, въ историческую эпоху, а эпоха эта начинается для Турфана очень рано, въ первые вѣка нашей эры, а въ IX вѣкѣ онъ входилъ уже въ составъ могущественнаго Уйгурскаго царства. И теперь еще здѣшніе центры—Турфанъ, Лукчунъ, Пичанъ, Токсунъ—играютъ роль довольно значительныхъ торговыхъ и административныхъ пунктовъ, но въ настоящее время это страна разоренная, обѣднѣвшая, носящая на себѣ только тѣнь своего прежняго величія, слѣды котораго указываютъ многія развалины укрѣпленій, буддійскихъ храмовъ, ирригa-

ціонныхъ сооруженій и т. д. Съ другой стороны, и по отношенію къ тюркской фонетикѣ, переходъ *тарпан* въ *турфан* едва ли возможенъ; скорѣе (хотя также мало) вѣроятна связь съ *тархан* (*трхан*)—примѣнявшимся у тюрковъ къ обозначенію особаго, привеллигированнаго класса людей и бывшаго также собственнымъ именемъ одного изъ джагайтскихъ племенъ [1]). Замѣтимъ кстати, что названіе лошади—*тарпанъ*—не построено по типу другихъ тюркскихъ названій для дикихъ лошадей и ословъ, въ родѣ *куланъ* (саврасый), *кёртагъ* (каурый), *суртагъ* (мышасто-пѣгій). Всѣ такія названія основаны, какъ видно, на масти, характеристичной для той или иной породы, но названіе „тарпанъ" въ связи съ названіемъ какого-либо цвѣта не стоитъ. Спеціалисты, къ которымъ я обращался, сопоставляли его съ киргизскимъ *тарпымак* — „лягаться" или тюрк. *тор* — „молодой, невыѣзженный" (ср. *торлак* — „неопытный, неукрощенный"), — названіе, которое можетъ быть придано всякой неукрощенной лошади, какъ дикой, такъ и одичалой, и даже домашней, какой бы она ни была масти [2]).

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ г. Кеппенъ придаетъ однако названіе „тарпанъ"—дикой лошади Южной Россіи, водившейся на пространствѣ отъ Воронежскихъ (Гмелинъ) до Херсонскихъ и Таврическихъ степей (Шатиловъ и др.). Онъ полагаетъ, что это была исконная дикая порода съ постоянными типичными и характерными признаками, выражавшимися въ масти, формѣ головы, ростѣ и т. д. Посмотримъ, насколько имѣющіяся описанія тарпановъ сходны между собою въ опредѣленіи этихъ признаковъ. По словамъ большинства наблюдателей, тарпаны были небольшаго роста (бар. Будбергъ — упоминаетъ о „среднемъ"), но такой ростъ имѣютъ и многія первобытныя породы домашнихъ лошадей, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, степныхъ. Относительно сложеніяФалькъ называетъ ихъ „тощими" (mager), бар. Будбергъ „очень тучными"; многіе утверждаютъ, что видъ тарпановъ былъ „неуклюжій", но экземпляръ, бывшій въ 80-хъ годахъ въ Моск. Зоолог. саду, никакою неуклюжестью не выдѣлялся. Нордманъ, описывая одну, яко-бы дикую лошадь, говоритъ, что она отличалась

[1]) А, можетъ быть, *фанъ* здѣсь китайскаго происхожденія, ср. напримѣръ, *фан-два* домъ, селеніе и пр.

[2]) Монгольское названіе дикаго осла—*джигетай*, *джиггетей*—означаетъ, по Билліону, „ушастый", отъ *джиги*—„ухо" (*Балліонъ*. Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ млекопитающихъ животныхъ. Каз. 1868, стр. 26); „тей", несомнѣнно, характеризуетъ собою прилагательное.

„тонкими" ногами, наоборотъ, Шлаттеръ—называетъ ноги тарпановъ „толстыми"; экземпляръ Московскаго зоологическаго сада имѣлъ ноги „сухія и постановку ногъ правильную, какъ у хорошей арабской лошади", съ бабками и копытами среднихъ размѣровъ; по многимъ показаніямъ — копыта были стройныя, высокія, („стаканчикомъ"), Боплалнъ же (въ XVII вѣкѣ) упоминаетъ о толстыхъ, разрастающихся копытахъ. Большинство показаній отмѣчаетъ большую, толстую (даже „уродливую") голову тарпановъ, но экземпляръ зоологическаго сада имѣлъ голову „сухую, не слишкомъ тяжелую" [1]). По многимъ свидѣтельствамъ, лобъ у тарпана былъ выпуклый (Палласъ, Эверсманъ, Шатиловскій экземпляръ), Корнисъ—называлъ его „широкимъ", Рычковъ — тоже, но „съ западинами", Черскій описываетъ черепъ тарпана, какъ „среднелобый, съ плоскимъ лбомъ, наклоненнымъ къ корню носа и вдавленнымъ между глазницами". Еще большее разнорѣчіе можетъ быть констатировано относительно ушей: Іенишъ называетъ ихъ „пропорціональными", Корнисъ—„малыми", Фалькъ—„большими, подвижными", Шлаттеръ — „длинными и загнутыми назадъ", Эверсманъ—„длинными и острыми, длиннѣе, чѣмъ у домашней лошади и на концахъ перегнутыми назадъ", Палласъ — „немного длиннѣе лошадиныхъ и на концахъ серпообразно загнутыми"; экземпляръ зоологическаго сада имѣлъ уши „весьма подвижныя, остроконечныя, съ

[1]) Г. Левченко („Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя", въ *Кіевской Старинѣ*, 1882 г., III (августъ), стр. 374) сообщаетъ, что разказы очевидцовъ о тарпанахъ „нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были некрасивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разказамъ же другихъ, дикія лошади представляли собою въ миніатюрѣ идеалъ этого благороднаго животнаго: онѣ были очень стройны, имѣли маленькія сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія—„стаканчикомъ". Такіе, болѣе красивые экземпляры (съ утонченною шеей, сухою головой и т. д.) нѣкоторыми (напр. Шатиловымъ) считались за ублюдковъ; напротивъ того, другіе въ нихъ то и видѣли настоящихъ тарпановъ. Такъ, по словамъ г. Левченко, „М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикіе жеребцы по временамъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и уводили съ собою кобылъ". По словамъ Андреевскаго („Путевыя замѣтки при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ". Од. 1860, стр. 89), „одни изъ нихъ (тарпановъ) неуклюжаго вида, другіе имѣютъ сходство съ домашними кобылами, которыхъ нерѣдко отбиваютъ изъ табуновъ".

значительною выемкой на внутреннемъ краѣ, но не длинныя"; по словамъ Гмелина—уши были или „острыя, величиной съ лошадиныя", или „длинныя, почти какъ у осла, повислыя"; Шатиловъ тоже замѣчаетъ, что одни экземпляры имѣли „острыя" уши, у другихъ же они „не могли быть названы острыми, хотя были и не вполнѣ висячія". Относительно хвоста тоже встрѣчаются разногласія: по Іеншу — онъ средней величины, Шатиловскій экземпляръ имѣлъ хвостъ волосистый, довольно густой; другіе наблюдатели говорятъ о „болѣе или менѣе волосистомъ, покороче, чѣмъ у домашней лошади";励Фалькъ называетъ его „тонкимъ и короткимъ", Палласъ — „мало волосистымъ". Масть тарпана большинство называетъ „мышастою", съ чернымъ (темнымъ) ремнемъ вдоль спины, но экземпляръ Академіи Наукъ, по словамъ Брандта, былъ „гнѣдой", а экземпляръ Московскаго зоологическаго сада—„темно-мышастый, съ подпалинами, ноги въ нижнихъ частяхъ черныя, чолка, грива и хвостъ—чернобурые". Гмелинъ опредѣляетъ цвѣтъ видѣнныхъ имъ тарпановъ, какъ „буромышастый" (mausbraun), но замѣчаетъ, что „писатели говорятъ также о бѣлыхъ и пепелистыхъ"; Радде называетъ его то „бурымъ" (braun), то „мышастымъ"; Іессенъ—видѣлъ одного чало-желтаго (fahlgelb), другаго—сѣро-мышинаго цвѣта. По Фальку тарпаны были „буропѣгіе" или „красноваторыжіе" (fuchsfarben), Колчановъ говоритъ о „свѣтлопѣгихъ", замѣчая, что жеребята имѣютъ „рыжеватый" оттѣнокъ, Юнкеръ, что въ молодости тарпаны бываютъ „рыжеватые", позже становятся „мышастыми". Тимофеевъ — опредѣляетъ масть, какъ „пепельную", Эверсманъ—какъ „сѣрую" или „песочную", съ темнобурою полосой вдоль спины и хвостомъ, Палласъ—какъ „буро-сѣрую" или—„pallido" (саврасую?), но, по его словамъ, „бываютъ и другихъ мастей", Рычковъ—какъ „саврасую" и „голубую" („бываютъ и другихъ цвѣтовъ, но рѣдко"), Левшинъ—какъ „свѣтлую, голубоватую", Кондараки и Зеленкевичъ — какъ „сѣро-землянистую", Шлаттеръ—какъ соловую (isabell). Большинство отмѣчаетъ идущую вдоль спины полосу (или „черный ремень"), другіе наблюдали также и поперечную темную полосу, на загривкѣ (но у экземпляра Московскаго зоологическаго сада ея не было), иные, наконецъ, и темныя полосы на переднихъ ногахъ („едва замѣтныя" у Московскаго экземпляра). Качество шерсти тоже опредѣляется не всегда одинаково: экземпляръ зоологическаго сада имѣлъ обыкновенную, „довольно густую, не длинную" шерсть, другіе называютъ её „очень длинною, грубою", Гмелинъ—сравнивалъ её съ мѣхомъ [1]). Къ этому можно прибавить, что одни считали тарпана слабѣе обыкновенной лошади, другіе (Юнкеръ) вдвое сильнѣе; одни—такъ быстрыми, что ихъ невозможно догнать, другіе (Бопланъ) не способными къ быстрому бѣгу; одни приводили примѣры прирученія тарпановъ къ ѣздѣ въ упряжи и подъ верхъ, другіе утверждали, что тарпанъ не можетъ быть укрощенъ и скоро издыхаетъ въ неволѣ; одни доказывали коренное отличіе тарпановъ яко-бы неспособностью ихъ давать потомство отъ слученія съ домашними кобылами (Корелинъ), большинство же утверждаетъ, что тарпаны-жеребцы нерѣдко отбивали домашнихъ кобылъ, которыя и производили отъ нихъ ублюдковъ. Послѣднее не можетъ подлежать сомнѣнію и подтверждается рядомъ компетентныхъ свидѣтельствъ. Такъ, Гмелинъ, охотясь за тарпанами въ 1768 г. въ Воронежскихъ степяхъ, замѣтилъ, что въ числѣ убитыхъ были одинъ ублюдокъ и одна—очевидно домашняя—кобыла. Палласъ, въ своей характеристикѣ тарпановъ, указываетъ на то, что они нерѣдко отбиваютъ или увлекаютъ домашнихъ лошадей изъ табуновъ. Андреевскій, говоря въ 1835 г. о Херсонскихъ степяхъ, сообщаетъ то же самое, прибавляя, что одинъ извѣстный косякъ состоялъ почти весь изъ завербованныхъ кобылъ. Колчановъ указываетъ, что степныя лошади имѣютъ пристрастіе къ тарпанамъ, и нерѣдко жеребцы-тарпаны отбиваютъ домашнихъ кобылъ изъ табуновъ. Іеншъ сообщаетъ, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, существовали 4 косяка изъ 60 головъ, третья часть коихъ состояла изъ лошадей одичалыхъ. По словамъ Зеленковича, въ 1868 г., извѣстенъ былъ одинъ косякъ тарпановъ въ 9 штукъ, изъ коихъ только четыре имѣли первобытный видъ (масть), а остальныя были, очевидно, ублюдками отъ домашнихъ лошадей. Г. Левченко приводитъ свидѣтельство г. Шварца, что „случалось даже издали видѣть въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи"; тоже разказываетъ Афанасьевъ-Чужбинскій, именно, что въ косякахъ дикихъ лошадей „видали иногда лошадей въ хомутахъ, ибо дикій жеребецъ отбивалъ

[1]) Какъ мнѣ любезно сообщаетъ В. Н. Ястребовъ, — священникъ Іоаннъ Романенко, видѣвшій дикаго коня въ 1845 г., въ конюшнѣ окружнаго командира военныхъ поселеній полк. Тунеберга въ г. Вознесенскѣ, описываетъ его какъ небольшого роста, мышастой масти, съ большою головой, безъ гривы, густо покрытымъ шерстью и съ бородою, съ огненными живыми глазами. О ремнѣ разказчикъ не упоминалъ.

при случаѣ упряжныхъ кобылъ, которыя, бывъ отпущены какимъ-нибудь проѣзжимъ на пашу, удалялись отъ дороги" [1]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что уже съ половины XVIII вѣка косяки тарпановъ состояли на одну треть или болѣе изъ отбитыхъ домашнихъ кобылъ и ублюдковъ. Это обстоятельство, въ связи съ противорѣчивыми показаніями о признакахъ тарпановъ, и было причиною того, что многіе натуралисты приходили къ сомнѣнію относительно самостоятельности тарпановъ, какъ дикой породы. Къ числу такихъ сомнѣвающихся принадлежали: Палласъ, А. Вагнеръ, Брандтъ, Фит-

---

[1]) Приведенныя опредѣленія признаковъ тарпана разными наблюдателями заимствованы, большей частью, изъ показаній, собранныхъ у самого г. Кеппена. Впрочемъ, не смотря на старательный подборъ свѣдѣній, г. Кеппенъ все-таки кое что и пропустилъ, и даже такое, что могло бы пригодиться ему для вящаго доказательства существованія тарпановъ до послѣдняго времени. Укажу, напр., на *Кондараки*, „Въ память столѣтія Крыма". Естественный Отдѣлъ. М. 1883, стр. 388, гдѣ сказано, между прочимъ, что „въ Днѣпровскомъ уѣздѣ остается нынѣ (1883 г.), если вѣрить мѣстнымъ жителямъ, не болѣе 10-ти кобылицъ съ однимъ жеребцемъ". Г. *Левченко* слышалъ однако „отъ очевидцевъ", что „въ послѣдній разъ въ Херсонской губ. тарпановъ видѣли въ 1866 г., въ Херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенія Новый Бугъ". По собраннымъ имъ же свѣдѣніямъ, „въ Херсонскомъ уѣздѣ дикія лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня", близъ с. Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона". Дѣйствительно, объ этой мѣстности (около с. Заводовки кн. Кочубея, селенія Каиры, или Князь-Григорьевки, бывш. Рахмановой, затѣмъ кн. Оболенской и др.) упоминаютъ и Шатиловъ, и Андреевскій, и Зеленковичъ, и *Афанасьевъ-Чужбинскій*. По словамъ послѣдняго („Поѣздка въ Южную Россію. Ч. I. Очерки Днѣпра. С.-116. 1863, стр. 379), „не болѣе, какъ лѣтъ двадцать назадъ (то-есть, въ 40-хъ годахъ) у каирскихъ поселянъ бывали дикія лошади, разумѣется пойманныя жеребятами, но онѣ никогда не привыкали къ человѣку и не годились въ упряжь... Объ этихъ дикихъ лошадяхъ разсказываютъ, что и теперь еще въ глухихъ степяхъ, гдѣ рѣже населеніе — попадаются въ небольшомъ количествѣ... Обыкновенно цѣлымъ табуномъ кобылицъ завѣдывалъ жеребецъ, который, слѣдуя къ водопою и обратно, выскакивалъ всегда на курганы и зорко осматривалъ мѣстность. При малѣйшей опасности онъ угонялъ табунъ въ степь съ неимовѣрною быстротою". Въ народныхъ преданіяхъ говорится даже, что дикіе жеребцы-тарпаны такъ часто отбивали домашнихъ кобылъ и такъ смѣло нападали на проѣзжающихъ, что по дорогамъ „багацько було валяется колисъ, обиддя, оглобель та дробинъ зъ возивъ; то все дики жеребци ломають у проiзжаючихъ людей возы, якъ одбивають кобылъ" (*Эварницкій*, „Число и порядокъ Запор. Сѣчей, съ топограф. очеркомъ Запорожья", Кіевъ 1884, стр. 82; разсказъ, записанный въ дер. Богодарѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.).

нцеръ, Бремъ, М. Н. Богдановъ, И. С. Поляковъ. Особенно подозрительнымъ представлялось то обстоятельство, что по изслѣдованіямъ Сѣверцова, Радде и М. Н. Богданова (въ 50-хъ, 60-хъ, 70-хъ годахъ), дикія лошади не были найдены нигдѣ на юго-востокѣ Россіи, ни въ Калмыцкой, ни въ Оренбургской, ни въ Киргизскихъ степяхъ, ни въ Сибири, ни въ Закаспійскомъ краѣ, ни въ Туркестанѣ, не смотря на то, что присутствіе ихъ въ Оренбургскомъ краѣ утверждалось ранѣе Палласомъ и Эверсманомъ, въ Киргизскихъ степяхъ — Левшинымъ, въ Кубанской, Кумыкской, Калмыцкой, Барабинской степяхъ—Фалькомъ [1]).

Но г. Кеппенъ отважнѣе всѣхъ упомянутыхъ натуралистовъ. Онъ не только не сомнѣвается еще въ недавнемъ существованіи въ Южной Россіи „совершенно особой породы дикихъ лошадей", тарпановъ („отнюдь не смѣси, происшедшей отъ одичавшихъ домашнихъ лошадей"), но положительно утверждаетъ, что тарпанъ „составлялъ нѣчто среднее между Греевскими родами Equus и Asinus" (стр. 145) и „изъ всѣхъ дикихъ лошадей наиболѣе приближался къ ослу" (149). Приближеніе это г. Кеппенъ видитъ: 1) въ постоянномъ присутствіи

---

[1]) *Балліонъ* („Опытъ и пр.", 1858, стр. 26) замѣчаетъ: „Составляютъ ли тарпаны или дикія лошади отдѣльную породу или онѣ въ самомъ дѣлѣ только одичалыя, положительно до сихъ поръ еще не рѣшено. Проф. Эверсманъ готовъ принять ихъ за отдѣльную породу, другіе же ученые, въ томъ числѣ и Палласъ, считаютъ ихъ только одичалыми лошадьми" Акад. *Брандтъ* писалъ въ 1871 г. (Bull. de l'Acad. des Sc. St.-Pét., XV, 1871, p. 184) „Не смотря на всѣ старанія, я не могъ получить изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ якобы водятся дикія лошади, ни шкуры ихъ, ни вполнѣ достовѣрнаго свѣдѣнія объ ихъ современномъ тамъ существованіи. Экземпляръ, происходящій, будто бы, отъ дикихъ, и присланный живымъ въ Зоологическій музей Академіи, подъ названіемъ тарпана, походилъ весьма на пони, былъ довольно ручной и не выказывалъ ни масти, ни другихъ признаковъ дикой лошади. Поэтому, съ своей стороны я предпочитаю считать открытымъ вопросъ — слѣдуетъ ли признавать описанныхъ Палласомъ и Эверсманомъ, такъ-называемыхъ equiferi, за настоящихъ дикихъ лошадей, или за происшедшихъ отъ убѣжавшихъ и одичавшихъ домашнихъ. Уже Окенъ (Naturgesch. Zool. Bd. IV. Abth. 2. S. 1258) говоритъ: „упоминаемыя Палласомъ, въ его путешествіи по Южной Россіи, дикія лошади были, повидимому, одичавшія или же дикіе ослы (hemioni)". — *М. Н. Богдановъ* („Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-Кумъ", Ташк. 1882, стр. 80) замѣчаетъ: „Миѳическаго тарпана, дикой лошади (Equus caballus equiferus Pall.), созданнаго воображеніемъ нѣмецкихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, нѣтъ нигдѣ въ пустыняхъ по обѣ стороны Аму-Дарьи". *Назаровъ* говоритъ о тарпанахъ въ Оренбургскомъ краѣ, какъ о водившихся, по преданію, когда-то очень давно.

спиннаго ремня (или темной полосы вдоль спины), 2) въ присутствіи только 5 поясничныхъ позвонковъ и 3) въ отсутствіи („вѣроятно — весьма частомъ“ (?)) каштанчиковъ (мозолей) на заднихъ ногахъ. Но, что касается до перваго признака, то, не говоря уже о томъ, что во многихъ показаніяхъ онъ не значится, онъ не составляетъ рѣдкости и у домашнихъ лошадей. Дарвинъ говоритъ: „Лошади всевозможныхъ мастей, разныхъ породъ и различныхъ странъ Свѣта часто имѣютъ темную полосу вдоль всей спины отъ гривы до хвоста; это вещь до того общеизвѣстная, что не стоитъ и распространяться о ней. Иногда появляются поперечныя полосы на ногахъ, преимущественно на задней сторонѣ ихъ; нѣсколько рѣже замѣчаются ясныя полосы на плечахъ, какъ у ословъ... Особенно обыкновенны такія полосы у буланыхъ лошадей (всѣхъ оттѣнковъ), рѣже у гнѣдыхъ, сѣрыхъ и карихъ“ [1]. Частое присутствіе такихъ полосъ указываетъ, по мнѣнію Дарвина, на вѣроятность происхожденія всѣхъ современныхъ породъ лошадей отъ одной коренной породы буланаго (саврасаго?) цвѣта и болѣе или менѣе полосатой, къ которой по временамъ и возвращаются наши лошади, въ особенности же принадлежащія къ первобытнымъ домашнимъ породамъ, мало улучшеннымъ искусственнымъ подборомъ, или находящіяся въ полудикомъ состояніи. Такимъ образомъ, присутствіе ремня на спинѣ вовсе не составляетъ еще признака, приближающаго тарпана къ ослу. То же слѣдуетъ сказать и относительно числа поясничныхъ позвонковъ (5 вмѣсто 6), такъ какъ самъ же г. Кеппенъ приводитъ замѣчаніе Натузіуса, что число этихъ позвонковъ непостоянно и не можетъ служить отличіемъ между лошадью и осломъ (стр. 148, прим. 2). 5 позвонковъ встрѣчается и на скелетахъ туркестанскихъ, и даже арабскихъ лошадей; съ другой стороны, по отношенію къ тарпану число это было констатировано только на *одномъ* скелетѣ. Остается, слѣдовательно, только третій признакъ — отсутствіе каштанчиковъ на заднихъ ногахъ у тарпана, но оно было констатировано также только на одномъ экземплярѣ (Московскаго зоологическаго сада), который притомъ едва-ли не былъ ублюдкомъ, и непонятно, на какомъ основаніи г. Кеппенъ полагаетъ, что такая особенность встрѣчается у тарпановъ „вѣроятно, весьма часто“. Съ другой стороны, изъ данныхъ, собранныхъ Кулешовымъ, видно, что каштанчики не бываютъ на заднихъ ногахъ довольно часто (около 10%) и у киргизскихъ лошадей, а равно и у нѣкоторыхъ дру-

[1] *Ч. Дарвинъ.* Прирученныя животныя, рус. пер. Т. I, 1868, стр. 58 слѣд.

гихъ породъ (напримѣръ, южной Франціи и Японіи), и наоборотъ, они оказались у экземпляра Equus Przewalskii, описаннаго Поляковымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что присутствіе или отсутствіе каштана на заднихъ ногахъ вовсе не составляетъ такого признака, который бы приближалъ тарпана къ осламъ или характеризовалъ бы дикихъ лошадей по преимуществу. Если прибавить къ этому, что Черскій, описавшій два черепа тарпановъ, не нашелъ у нихъ никакихъ особенностей, которыя бы приближали ихъ къ ослинымъ, то станетъ яснымъ, что утвержденіе г. Кеппена о большей близости тарпана къ ослу является совершенно голословнымъ и бездоказательнымъ.

Упомянувъ о двухъ черепахъ, описанныхъ Черскимъ, я долженъ прибавить, что выводы, которые получилъ изъ ихъ сравненія этотъ ученый, оказали, повидимому, не малое вліяніе на смѣлость г. Кеппена по отношенію къ тарпану. Черскій, сравнивъ оба черепа, нашелъ сходство между ними и, въ то же время, призналъ возможнымъ отдѣлить ихъ отъ другихъ видѣнныхъ имъ череповъ „въ роли представителей одной самостоятельной породы“. Читая однако описаніе этихъ череповъ (представляющихъ къ тому же нѣкоторыя различія между собою въ подробностяхъ), трудно выяснить себѣ, чѣмъ особенно отличаются они отъ другихъ череповъ восточной широколобой породы. Самъ Черскій замѣчаетъ относительно тарпана: „не подлежитъ сомнѣнію, что онъ носитъ на себѣ *всѣ* признаки восточной группы лошадей“. Но, если это такъ, то въ чемъ же заключаются признаки тарпана по черепу. Такими признаками Черскій выставляетъ „двѣ главныя черты“, во-первыхъ, выдающіяся надбровныя дуги, признакъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, общій какъ для арабскаго, такъ и для шотландскаго типовъ (Eq. cab. asiaticus и—hibernicus Сансона), и, во-вторыхъ—„наклонъ лобной плоскости впередъ, а носовыхъ костей назадъ, къ лобоносовому шву, вслѣдствіе чего профиль черепа образуетъ около корня носа очень тупой, входящій уголъ (вдавленіе)“, что, впрочемъ, свойственно, по Сансону, и шотландской породѣ, а я прибавлю—и черепамъ многихъ другихъ лошадиныхъ породъ. Вообще, повидимому, выражая такое мнѣніе, Черскій находился подъ вліяніемъ „Сообщенія о тарпанахъ“ г. Шатилова и старался найти въ этихъ черепахъ нѣчто отличающее ихъ отъ череповъ домашнихъ лошадей. При этомъ онъ не принялъ во вниманіе и того, что черепъ Шатиловскаго тарпана принадлежалъ старой особи съ почти стертыми зубами, притомъ еще мерину, и къ тому же по своимъ наружнымъ признакамъ не вполнѣ подходящему къ прежнимъ описаніямъ тарпана, а черепъ музея Ака-

деміи Наукъ тоже происходитъ отъ экземпляра, судя по отзывамъ Брандта и Бэра, довольно сомнительнаго. Впрочемъ, и самъ Черскій замѣчаетъ, что „вопросъ объ отношеніи *этихъ* тарпановъ къ водившимся въ свое время въ Россіи, дикимъ лошадямъ", можетъ подвинуться впередъ только при условіи изученія, съ одной стороны, „череповъ южно-россійскихъ породъ лошадей, въ которыхъ, какъ слѣдуетъ полагать, типъ описанныхъ двухъ индивидуумовъ долженъ проявляться *во всѣхъ своихъ подробностяхъ*", а во-вторыхъ—череповъ ископаемыхъ, именно изъ южной, средней и западной Россіи. Изъ этого замѣчанія можно заключить, что самъ Черскій предполагалъ сходство „во всѣхъ подробностяхъ" череповъ тарпана съ черепами южно-русскихъ породъ домашнихъ лошадей, и если считалъ возможнымъ выдѣлить ихъ въ особую категорію, то лишь за неимѣніемъ, для сравненія, такихъ череповъ изъ области бывшаго обитанія здѣсь тарпановъ.

Г. Кеппенъ, слѣдуя Шатилову и другимъ, придаетъ большое значеніе масти тарпана, которая, по его мнѣнію, была всегда одинаковая, мышастая, съ чернымъ ремнемъ на спинѣ. Уклоненія отъ этого цвѣта онъ склоненъ объяснять отчасти возрастомъ (жеребята—желтѣе), отчасти скрещиваніемъ съ домашними лошадьми (присутствіемъ ублюдковъ), отчасти, наконецъ, тѣмъ, что съ тарпанами, особенно въ восточной Россіи, смѣшивали кулановъ или даже Equus Przewalskii, которая, по предположенію Полякова, могла въ прежнее время распространяться далѣе на западъ, чѣмъ впослѣдствіи. Такое объясненіе до извѣстной степени допустимо; присутствіе въ косякахъ тарпановъ ублюдковъ подтверждается большинствомъ показаній; весьма вѣроятно также и смѣшеніе тарпановъ съ куланами (но не съ Equus Przewalskii, распространеніе котораго, въ XVIII вѣкѣ и позже, до Оренбургскаго края, ничѣмъ не доказывается и весьма сомнительно [1]). Но если даже и допустить, что тар-

[1]) Смѣшеніе тарпановъ съ куланами можно констатировать у Рычкова, по словамъ котораго, тарпаны „шерстью саврасые и голубые", а у кулановъ „шерсть густая и немалая, схожа съ мышьей"; по Левшину, „шерсть дикихъ лошадей почти всегда свѣтлаго цвѣта и большей частью голубоватая; онѣ бываютъ двухъ родовъ, изъ коихъ одинъ крупнѣе, другой мельче; первый называется въ казачьихъ (т. е. киргизскихъ) ордахъ Куланъ, второй Тарпанъ". Г. Карелинъ („Путешествія по Каспійскому морю", Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По общей географіи. Т. X. 1883 г., стр. 118) перечисляя животныхъ,

паны выказывали, по преимуществу, мышастую масть, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они были настоящими дикими лошадьми. Достовѣрно извѣстно, что еще въ недавнее время во многихъ странахъ встрѣчались одичавшія домашнія лошади. Пржевальскій („Третье путешествіе", стр. 443) упоминаетъ о таковыхъ въ пескахъ Тынгари, гдѣ онѣ умножились особенно послѣ возстанія дунгапъ въ 1869 г. Извѣстны также многіе случаи одичанія лошадей въ степяхъ и саваннахъ Америки, особенно въ пампахъ Аргентины, о происхожденіи „дикихъ лошадей" въ которыхъ сохранилось слѣдующее преданіе, записанное Азарой. „Основанный въ 1535 г. городъ Буэносъ-Айресъ былъ позже покинутъ, и выселившіеся его жители не дали себѣ труда собрать всѣхъ своихъ лошадей, часть которыхъ, штукъ 5—7, были оставлены въ полѣ. Когда позже, въ 1580 г. городъ снова былъ занятъ, то въ окрестностяхъ его оказалась масса одичавшихъ лошадей, потомковъ ранѣе покинутыхъ. Уже въ 1596 году было дозволено каждому ловить этихъ лошадей и пользоваться ими. Таково происхожденіе безчисленныхъ табуновъ лошадей, бродящихъ нынѣ по степямъ къ югу отъ Ріо де ла Платы". Въ послѣднее время было заявлено нѣкоторыми сомнѣніе, чтобы всѣ эти „дикія" лошади—въ пампахъ Аргентины и Парагвая, льяносахъ Венецуэлы, преріяхъ Техаса и т. д., были только потомками домашнихъ лошадей, вывезенныхъ въ Америку испанцами. Несомнѣнно, что лошади не были из-

водящихся по сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, упоминаетъ между прочимъ объ Equus caballus ferus, дикая лошадь, по киргизски куланъ, и Eq. asinus ferus, дикій оселъ, онагръ. М. Н. Богдановъ замѣчаетъ по этому поводу (тамъ же, стр. 119), что „настоящей дикой лошади тамъ нѣтъ; оба показанія Карелина относятся къ одному и тому же виду—кулану. Equus onager Pall". Грумъ-Гржимайло (см. его „Путешествіе въ Западный Китай". Т. I. 1896 г., стр. 188 слѣд.) замѣчаетъ, что Equus Przewalskii всей фигурой своей, мастью и ростомъ такъ напоминаетъ кулана, что даже на близкомъ разстояніи ее легко принять за послѣдняго; китайцы, даже киргизы, вообще весь пришлый въ Джунгаріи элементъ ея населенія, и въ дѣйствительности не различаютъ ихъ между собой... Изъ всѣхъ народовъ Средней Азіи едва-ли не у однихъ только монголовъ (торгоутовъ) и нѣкоторыхъ алтайскихъ племенъ существуютъ различныя наименованія для этихъ животныхъ. Не доказываетъ ли это, что дикая лошадь уже въ историческій періодъ не заходила за предѣлы современнаго своего распространенія... и что всѣ сказанія о существованіи дикихъ лошадей въ Да-цзи и остальной Гоби относятся не къ нимъ, а къ дикимъ осламъ, населяющимъ и нынѣ всѣ эти мѣстности".

вѣстны индѣйцамъ Вестъ-Индіи, Мексики, Перу, и что испанскіе завоеватели наводили ужасъ на туземцевъ своей кавалеріей, но нѣкоторые полагаютъ, что лошадь, бывшая нѣкогда столь распространенною въ Америкѣ въ теченіи дилювіальнаго періода, могла сохраниться кое-гдѣ и позже въ обширныхъ степяхъ этого континента въ дикомъ состояніи. Въ пользу этого говоритъ, какъ будто, то обстоятельство, что по словамъ Копа (Cope) въ верхнемъ пліоценѣ (или плейстоценѣ?) Орегона и Невады найдены были остатки Equus occidentalis и—excelsus рядомъ съ оббитыми (человѣкомъ?) осколками обсидіана; съ другой стороны, какъ замѣтилъ Berthoud, дикія лошади показаны уже на картѣ Южной Америки Кабо (Cabot), XVI-го вѣка, составленной всего чрезъ какіе нибудь 20 лѣтъ послѣ завоеванія Перу, когда потомки лошадей, завезенныхъ испанцами, не могли еще размножиться до такой степени въ одичаломъ состояніи. Какъ бы то ни было, есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что одичаніе лошадей происходило въ различныхъ частяхъ Америки въ большихъ размѣрахъ, въ теченіи трехъ вѣковъ. Еще лѣтъ 50 тому назадъ, въ пампахъ Ла-Платы, какъ это засвидѣтельствовано Дарвиномъ, поселенцамъ стоило большаго труда удерживать своихъ лошадей отъ разбѣганія, и онѣ дичали десятками и сотнями[1]. И тѣмъ не менѣе, вся масса этихъ одичалыхъ лошадей выказывала, по преимуществу, одну и туже масть. По словамъ Азары (и Дарвина), 90% всѣхъ лошадей были каштаново-гнѣдыя (bai-châtains), а остальныя 10%—масти, подходящей къ буланой (не къ саврасой ли?)[2]; вороныхъ встрѣчалось не болѣе одной на 2000. Подобное же преобладаніе одной масти было констатировано и на одичалыхъ лошадяхъ другихъ мѣст-

---

[1]) *Дарвинъ* (Дневникъ путешествія на кораблѣ „Бигль", нов. пер., въ „Сочиненіяхъ Ч. Дарвина". Т. I, гл. 1. Спб. 1896 г., стр. 68) разсказываетъ, что въ его время (1832 г.), въ пампахъ около Буэносъ-Айреса, стада рогатаго скота и лошадей охранялись вооруженными людьми, и все-таки многія животныя терялись. „Чрезвычайно трудно пасти стада въ равнинѣ: стоитъ ночью приблизиться пумѣ или даже лисицѣ, и лошади непремѣнно разбѣгутся во всѣ стороны. Также разбѣгаются онѣ и во время грозы. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ офицеръ везъ изъ Буэносъ-Айреса 500 лошадей, а къ войску привелъ меньше 20".

[2]) Азара называетъ „zain"; Дарвинъ замѣчаетъ, что „zain обыкновенно переводится какъ темный безъ всякой бѣлизны, но такъ какъ Азара говоритъ о мулахъ, какъ „zain-clair", то я полагаю, что цвѣтъ этотъ должно признать за буланый". Ганъ переводитъ „zain" какъ „schwarz-braun".

ностей; такъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Мексики и на Фалкландскихъ островахъ преобладала „сѣро-буро-гнѣдая" масть. Явленіе это было было констатировано не у однихъ лошадей, но также и у одичалыхъ породъ рогатаго скота. Скотъ англійскихъ парковъ выказывалъ, по преимуществу, бѣлый цвѣтъ съ черными или рыжими ушами; скотъ, одичавшій въ Пампахъ и Техасѣ, сталъ почти одинаковаго, „темно-буро-краснаго цвѣта, на различныхъ Фалкландскихъ островахъ онъ представлялъ или бѣлый цвѣтъ, съ черными ушами, головой и ногами, или бурый, или мышастый. Это преобладаніе извѣстной масти можетъ быть объясняемо, отчасти, неодинаковою способностью различныхъ мастей передаваться по наслѣдству (что было доказано для лошади точными наблюденіями на конскихъ заводахъ), отчасти наклонностью животныхъ при одичаніи возвращаться къ масти болѣе первобытной, преобладающей породы[1]).

По всей вѣроятности, и преобладаніе мышастой масти у тарпановъ объясняется подобною же причиной, именно возвращеніемъ къ типу первобытной породы, преобладавшей въ крови домашнихъ лошадей соотвѣтственныхъ мѣстностей. Масть эта встрѣчается нерѣдко у ло-

---

[1]) О неодинаковой способности различныхъ мастей передаваться по наслѣдству см. *Goehlert*, Ueber die Vererbung der Haarfarben bei den Pferden, въ „Zeitschrift für Ethnologie". XIV, 188?. Свѣтлыя масти передаются вообще чаще, чѣмъ темныя, гнѣдая и бурая (braun) унаслѣдуется вѣрнѣе, чѣмъ рыжая, а въ особенности, чѣмъ вороная.—О наклонности животныхъ при одичаніи возвращаться къ масти первобытной породы многія данныя собраны у *Дарвина*, „Прирученныя животныя". Это явленіе атавизма проявляется не только въ масти, но иногда и въ другихъ, болѣе глубокихъ особенностяхъ строенія. Такъ, напр., иногда у лошадей появляются боковые зачаточные пальцы, на переднихъ и заднихъ ногахъ, въ родѣ какъ у Proto-или Miohippus. Любопытно, что такія уродливости встрѣчаются, повидимому, чаще у домашнихъ лошадей, происходящихъ отъ одичавшихъ. Такъ, проф. Маршъ, описавшій нѣсколько такихъ случаевъ (*Marsh*, Recent polydactyle Horses, въ „American Journal of Science". 3 ser. Vol. XLIII, 1892, p. 345), замѣчаетъ, что „большинство многопалыхъ лошадей, сдѣлавшихся извѣстными въ Соединенныхъ Штатахъ, происходило съ юго-запада, или вело свое происхожденіе отъ тамошнихъ породъ, такъ что представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною, ихъ связь съ полудикими мустангами. Извѣстно, что наклонность къ реверзіи (атавизму) проявляется сильнѣе у животныхъ, живущихъ на свободѣ, и этотъ фактъ долженъ быть принятъ во вниманіе при обсужденіи настоящаго вопроса, ибо предки мустанговъ находились несомнѣнно въ дикомъ состояніи, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (со времени заселенія страны испанцами)".

шадей многихъ первобытныхъ породъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и Западной Европы, и весьма возможно, что она преобладала и у тѣхъ, которыя дали первое начало тарпанамъ. Въ пользу такого объясненія можно представить, въ данномъ случаѣ, слѣдующія соображенія. Мелкая порода мышастой и подходящихъ къ ней мастей имѣла (и имѣетъ еще), повидимому, значительное распространеніе въ юго-западной и западной Россіи, въ прилегающихъ частяхъ Пруссіи, по Балтійскому побережью, въ Норвегіи. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, по наблюденіямъ г. Зерцалова (на 4136 лошадяхъ), лошади бурыхъ и сѣрыхъ мастей съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ темнымъ ремнемъ составляютъ 31% всѣхъ лошадей [1]). Любопытно, что черепъ „Литовской" породы, судя по описанію и измѣреніямъ Неринга, выказываетъ, по словамъ Черскаго, значительное сходство съ черепомъ тарпановъ. О черепахъ южно-русскихъ, особенно прежнихъ, старинныхъ домашнихъ породъ (какъ уже замѣчено выше) ничего неизвѣстно; мнѣ удалось получить нѣкоторое понятіе только о двухъ лошадиныхъ скелетахъ, найденныхъ въ курганахъ. Одинъ изъ нихъ былъ найденъ проф. Н. И. Веселовскимъ, въ 1895 году, въ курганѣ между Анапой и станицей Раевской, Кубанской области, повидимому, тюркскомъ и относящемся къ эпохѣ, приблизительно, X вѣка. Судя по фотографіи костяка, снятой при раскопкѣ и любезно доставленной мнѣ г. Веселовскимъ, костякъ этотъ имѣлъ 5 поясничныхъ позвонковъ, тонкія кости конечностей и явственно горбоносый профиль черепа, что соотвѣтствуетъ не столько описаннымъ (г. Черскимъ) черепамъ тарпановъ, сколько вообще черепамъ восточнаго, степнаго типа. Другой костякъ былъ открытъ Н. Е. Бранденбургомъ, въ курганѣ Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, близь деревни Гадомки [2]). Судя по фотографіи (я имѣлъ, впрочемъ, возможность провѣрить и въ натурѣ, въ бытность недавно въ Петербургѣ) костякъ этотъ имѣлъ шесть позвонковъ, болѣе массивныя конечности, прямой или слегка волнистый профиль лба и носа и болѣе

---

[1]) Этимъ свѣдѣніямъ я обязанъ В. Н. Ястребову. По наблюденіямъ г. Зерцалова, лошади такой масти обыкновенно небольшаго роста; 58% ихъ ниже 1½ арш., голова у нихъ довольно большая, но вообще онѣ сложены хорошо.

[2]) См. Замѣтку Н. Е. Бранденбурга въ Протоколахъ Московскаго Археологическаго Общества, „Древности", т. XV, вып. 2, стр. 125, и таблица IX. Г. Бранденбургъ сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ этотъ курганъ — печенѣжскимъ.

выдающуюся макушку, подходя, какъ будто, этими послѣдними признаками нѣсколько болѣе къ типу тарпановъ.—„Литовская" порода Неринга, вѣроятно, соотвѣтствуетъ „жмудской" нашихъ гиппологовъ, которая находится, повидимому, въ родствѣ съ остзейскими клепперами, шведками, вятками и другими мелкими сѣверными породами. Всѣ эти породы представляютъ, по мнѣнію однихъ, разновидности тяжелой, средне-европейской или такъ назыв. норійской породы, по мнѣнію же другихъ (повидимому, болѣе вѣрному), особые мѣстные типы, отчасти усвоившіе себѣ признаки восточной, азіатской породы [1]). Какъ бы то ни было, но преобладающими мастями этихъ лошадей считаютъ *саврасую*, рыжую и *соловую съ ремнемъ на спинѣ* [2]), точно также, какъ по словамъ проф. Кулешова, преобладающими мастями клепперовъ (породы, впрочемъ, уже значительно облагороженной), „нужно признать рыжую, *игреневую*, караковую, *саврасую* и *буланую*", причемъ лошади свѣтлыхъ мастей „имѣютъ иногда вдоль спины черный ремень; голова и шея клеппера коротки и толсты, носъ нѣсколько горбатый". Въ Норвегіи масть туземныхъ лошадей или пони, по Дарвину, *буланая* и переходитъ всѣ оттѣнки отъ *бланжеваго* до *темнаго*, *мышасто-буланаго*; при этомъ однимъ изъ признаковъ чистоты породы считаются полосы на спинѣ и ногахъ. То же подтвердилъ впослѣдствіи другой наблюдатель, Гартвигъ, по словамъ котораго среди норвежскихъ лошадей нерѣдки съ темными поперечными полосами на ногахъ, а еще чаще встрѣчаются—буланыя (или саврасыя) съ темнымъ ремнемъ на спинѣ [3]) Подобныя же норвежскимъ пони представляютъ исландская и—повидимому—шотландская породы; г. Кеппенъ сближаетъ съ ними и полудикую породу Камарги, но такое сближеніе представляется уже сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ Реклю, тамошнія лошади выка-

---

[1]) Къ норійской породѣ причисляетъ ихъ проф. Кулешовъ. Мердеръ считалъ вопросъ о происхожденіи клепперовъ темнымъ, но полагалъ, что туземная кровь въ образованіи клеппера играла наибольшую роль. Унгербергеръ выразилъ мнѣніе, что эстонскіе клеппера и эзельскія лошади происходятъ отъ азіатскихъ породъ, заведенныхъ сюда во время переселенія народовъ.

[2]) *Кулешовъ*, Коневодство. 2-е изданіе. М. 1892 г., стр. 94—97. Замѣтимъ, что буланая, саврасая и мышастая масть (съ темнымъ ремнемъ) весьма обыкновенна у киргизскихъ и монгольскихъ лошадей (по Грумъ-Гржимайло).

[3]) *Дарвинъ*, Прирученныя животныя, стр. 61; *Hartwig*, въ „Zoolog. Garten", 1868, S. 189.

зываютъ преобладаніе бѣлой масти[1]). Возможно, что въ нынѣшней западной Россіи и въ прилегающихъ частяхъ Германіи, на пространствѣ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, гдѣ нѣкогда жили бокъ-о-бокъ готы, литовцы, славяне и финны, выработалась особая малорослая порода лошадей съ преобладающей саврасой, соловой, мышастой и подходящими къ нимъ мастями (съ нерѣдкимъ темнымъ ремнемъ на спинѣ), которая распространилась затѣмъ и въ сѣверной Россіи и въ Скандинавіи. Можетъ быть, эту же породу представляли и лошади древнихъ германцевъ, о которыхъ Ю. Цезарь говоритъ, какъ объ „jumenta parva atque deformia". Какъ одна изъ первобытныхъ породъ, пользовавшаяся плохимъ уходомъ, она могла давать, по временамъ, и одичалыхъ особей, чему способствовала малая заселенность страны, обиліе лѣсовъ, набѣги враждебныхъ племенъ и т. д. Такія одичалыя или „дикія" лошади въ Польшѣ и Литвѣ упоминаются уже М. Мѣховскимъ въ XVI вѣкѣ; Ржончинскій (Rzączyński), издавшій въ началѣ XVIII вѣка „Естественную исторію Польши", назвалъ эту „дикую" лошадь—Equus sylvestris, такъ какъ мѣстопребываніе ея было въ лѣсахъ. Объ ней упоминаютъ и нѣкоторые писатели XVII и XVIII столѣтій; она встрѣчалась до начала XIX вѣка. Стелла, писавшій въ началѣ XVII в. о древностяхъ Пруссіи, описываетъ этихъ лошадей, какъ очень красивыхъ и быстрыхъ, но другіе, какъ Руджьери, Липоманъ—сообщаютъ, что онѣ были мелкія, слабосильныя, не пригодныя ни для кавалеріи, ни для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Въ XVIII и началѣ XIX вѣкѣ онѣ содержались болѣе въ паркахъ вельможъ, дольше всего въ паркѣ графа Замойскаго близь Замосцья, покуда наконецъ не были розданы крестьянамъ. По словамъ барона Бринкена, потомство этихъ лошадей можно было узнавать еще долго по сѣромышастой масти съ чернымъ ремнемъ на спинѣ[2]).

Г. Кеппенъ, приведя извѣстія объ этой польско-литовской „лѣсной" лошади (Equus sylvestris), заимствованныя имъ у графа Чапскаго, видитъ въ нихъ, съ одной стороны, доказательство „нахожденія южно-русскаго тарпана въ Литвѣ и Польшѣ", съ другой —

[1]) *E. Reclus*, Géographie universelle, vol. II, France.

[2]) *Gr. Czapski*, Ueber das Wilde Pferd und sein Verschwinden aus Europa, въ „Verhandlungen der Dorpater Naturforschergesellschaft" 1869. (Sitzungsberichte, Bd. III, 1874) S. 27—34.

фактъ, „представляющій еще необыкновенный біологическій интересъ", именно тотъ, „что дикія лошади, — по всему строю своему предназначенныя къ обитанію *на степи*,—въ означенныхъ областяхъ освоились съ кажущимся противнымъ ихъ природѣ жительствомъ *въ лѣсахъ*...". Дѣйствительно, этотъ фактъ былъ бы очень интереснымъ въ біологическомъ отношеніи, если бы можно было считать доказаннымъ, что „лѣсная" лошадь составляла прямого потомка дилювіальной лошади, приспособившагося къ жизни въ лѣсахъ. Однако, подобное приспособленіе представляется сомнительнымъ по слѣдующей причинѣ. Извѣстно, что всѣ виды дикихъ лошадей, ословъ, зебръ, кваггъ—животныя степныя и въ лѣсахъ не водятся. Equus Przewalskii—джунгарская дикая лошадь — живетъ въ песчаной пустынѣ со скудною растительностью; джигетаи, куланы и ихъ родичи также имѣютъ мѣстопребываніе въ арало-каспійскихъ, монгольскихъ и тибетскихъ степяхъ и пустыняхъ[1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что и дилювіальная лошадь водилась въ степныхъ мѣстностяхъ, подобно жившимъ тогда въ Западной Европѣ дикимъ осламъ, сайгѣ, байбаку и т. д. Нигдѣ мы не видимъ, чтобы эти степныя животныя приспособились къ жизни въ лѣсахъ; напротивъ того, съ распространеніемъ лѣсовъ въ Западной Европѣ, въ послѣдующій доисторическій періодъ, эти степныя формы стали тамъ исчезать и удаляться на востокъ. По всей вѣроятности, должна была отступить и дикая лошадь, если она еще существовала, и послѣдовать за своими сожителями, куланами, сайгой и другими, въ степи нынѣшней южной Россіи и далѣе — въ предѣлы Арало-Каспійской области. Если же мы встрѣчаемся съ фактомъ отсутствія дикихъ лошадей на юго-востокѣ Россіи и въ арало-каспійскихъ степяхъ, и, наоборотъ, существованія ихъ, еще недавно, въ лѣсахъ западной Россіи, то представляется болѣе вѣроятнымъ, что эти лошади были одичавшія, на что указываетъ и измельченіе породы, ея слабосильность, весьма естественная съ оскудѣніемъ корма и большой трудностью существованія, особенно въ теченіи зимней половины года. Въ пользу того, что лошади эти были не „дикія", а одичалыя, высказывался и графъ Чапскій. „Эта

[1]) Въ своей характеристикѣ тарпановъ (equiferi) Палласъ выставляетъ особенно ихъ степной образъ жизни и избѣганіе ими лѣсовъ и горъ: „In deserto ad aquas subsalsas accedunt, easque in potum adhibent. Apricis et campestribus clivosis gaudent, sylvas et asperiora montium fugiunt".

разновидность („лѣсная“ лошадь), говоритъ онъ, могла произойдти отъ одичавшей домашней лошади кочевниковъ; вырвавшись на свободу, она усвоила себѣ рѣдкое у лошадей свойство, именно стала обитательница лѣсовъ“. Такой взглядъ нельзя не признать правдоподобнымъ, съ тою лишь поправкой, что нѣтъ основаній допускать возможность одичанія лошадей только у кочевниковъ; испанцы въ Америкѣ жили осѣдло, и тѣмъ не менѣе теряли массы лошадей, вслѣдствіе разбѣганія ихъ по примыкавшимъ къ поселеніямъ степямъ. То-же могло быть и въ области Польши и Литвы, гдѣ за отсутствіемъ степей мѣстами убѣжища могли служить лѣса съ разбросанными среди нихъ полянами [1]). По этому поводу нельзя не припомнить многіе случаи положительно доказаннаго одичанія домашнихъ лошадей. Мы уже упоминали о массовомъ одичаніи лошадей въ Америкѣ,—въ пампахъ Ла-Платы, въ преріяхъ Техаса, въ льяносахъ Венецуэлы; слѣдуетъ указать еще на „дикихъ“ лошадей Галапагосскихъ острововъ, на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ Мэрилэнда (Chincoteague Island) и притомъ въ недавнее время, въ 70-хъ годахъ, наконецъ, на Антилльскихъ островахъ, Кубѣ, Ямайкѣ, гдѣ онѣ сильно размножились въ XVIII вѣкѣ, хотя острова эти покрыты, какъ извѣстно, тропическою древесною растительностью [2]). Мы упоминали также—со словъ Пржевальскаго—объ одичалыхъ лошадяхъ въ Монголіи (Алашанѣ, Гань-су); Ганъ указываетъ на подобныя же извѣстія о „дикихъ“ лошадяхъ на Целебесѣ, Филиппинскихъ островахъ, наконецъ, въ такъ называемыхъ Альпахъ Австраліи, гдѣ уже о настоящихъ дикихъ лошадяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ Австраліи,

[1]) Нерингъ тоже принимаетъ, что по мѣрѣ того, какъ дилювіальныя степи Средней Европы смѣнялись лѣсомъ, характерная фауна ихъ вытѣснялась на востокъ, и „дикія лошади стали отступать въ восточныя степи. Только кое-гдѣ, на полянахъ и луговинахъ, въ слабо-лѣсистыхъ мѣстностяхъ могли еще удержаться онѣ въ доисторическій лѣсной періодъ, но уже въ гораздо меньшемъ числѣ“; см. *Nehring*, въ „Sitzungsberichte der Ges. Naturfors. Freunde zu Berlin“, 1883, 57—59. Маленькія дикія лошадки (Equuli agrestes) существовали впрочемъ въ Помераніи еще въ XII вѣкѣ.

[2]) *E. Hahn*. Die Hausthiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. L. 1896, S. 192 ff. Ослы тоже наклонны къ одичанію; „дикіе“ ослы упоминаются въ XVI вѣкѣ на островѣ Чериго и на Фуэртевентурѣ, одномъ изъ Канарскихъ. Недавно они встрѣчались еще на островѣ Сокоторѣ. Въ Америкѣ они одичали на Антилльскихъ островахъ, Галапагосскихъ и въ Уругваѣ; см. *Hahn*, l. c. S. 170.

до прибытія европейцевъ, не существовало вообще ни одного плацентарнаго млекопитающаго, за исключеніемъ прирученнаго динго (собаки австралійскихъ дикарей). При этомъ любопытно, что, по словамъ Ленденфельда, эти „дикія“ австралійскія лошади также отличаются всѣ малымъ ростомъ и однообразною темно-гнѣдою мастью; онѣ составляютъ предметъ охоты, хотя и мало цѣнятся. „Дикія“ лошади упоминаются также древними писателями въ Испаніи и Альпахъ; въ XVI вѣкѣ и позже—въ Эльзасѣ, въ Англіи (New-Forest), на островѣ Корсикѣ, Сардиніи (еще въ 60-хъ годахъ), на островѣ Критѣ, наконецъ, въ Африкѣ, именно въ Капской колоніи (Кольбе, писавшій въ началѣ XVIII вѣка, отличаетъ ихъ отъ зебръ), въ области Нигера (упоминаются путешественникомъ Мунго Паркомъ, и притомъ какъ всѣ одной масти), въ низовьяхъ Конго (Proyart, писавшій въ концѣ XVIII вѣка, говоритъ, что онѣ произошли отъ нѣсколькихъ лошадей, присланныхъ въ даръ англійскимъ королемъ) и т. д. Всѣ эти многочисленные случаи завѣдомаго одичанія лошадей, какъ въ степныхъ, такъ и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, заставляютъ относиться съ сомнѣніемъ и къ другимъ извѣстіямъ о „дикихъ“ лошадяхъ, которымъ однако-же г. Кеппенъ придаетъ всегда полную вѣру. Что касается Россіи, то заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что и народное преданіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняетъ появленіе „дикихъ“ лошадей одичаніемъ. Такъ, Юнкеръ, писавшій въ первой половинѣ XVIII вѣка о странѣ между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, упоминая о дикихъ лошадяхъ въ приазовскихъ степяхъ, замѣчаетъ, что „какъ сказываютъ“ — онѣ произошли отъ конницы, участвовавшей въ 1697 г. при осадѣ Азова; вслѣдствіе недостатка въ кормѣ и другихъ причинъ, множество лошадей тогда разбрелось по степи и образовало одичавшее потомство. Графъ Чапскій, повидимому, путешествовавшій по Азіи [1]), замѣчаетъ, что, „по мнѣнію азіатскихъ народовъ, настоящіе тарпаны крайне рѣдки и, если и встрѣчаются еще, то лишь на небольшихъ участкахъ по Каракуму, по р. Томи и въ пустыняхъ Монголіи, большинство же дикихъ лошадей не чистые тарпаны, а помѣсь съ домашними“. Ржончинскій (1736), говоря о дикихъ лошадяхъ въ степяхъ Украины, указываетъ, что онѣ водились въ большомъ числѣ въ эпоху турецкихъ и татарскихъ войнъ (когда въ степяхъ почти не было осѣдлаго

[1]) Gr. *Czapski*, l. c. S. 30.

населенія и случаи одичанія лошадей могли быть чаще), но что затѣмъ, съ большимъ заселеніемъ страны, число дикихъ лошадей значительно уменьшилось.

Въ историческую эпоху „дикіе" кони упоминаются въ Черниговской губерніи, въ Полтавской, въ Харьковской [1]), но по отношенію къ ихъ дѣйствительной „дикости" тоже можно питать сомнѣніе. Владиміръ Мономахъ, въ своемъ „Поученьи" упоминаетъ, правда, что онъ „в Черниговѣ... конь дикихъ своима рукама связалъ есть въ *пущахъ* 10 и 20 живыхъ конь, и кромѣ того по Роси ѣздя ималъ есть своима рукама тѣ же кони дикиѣ", но самый тотъ фактъ, что онъ „ималъ живыхъ конь" въ пущахъ (то-есть лѣсахъ), заставляетъ предполагать скорѣе, что это были одичалые кони, а не настоящіе дикіе. Послѣднихъ (какъ и кулановъ) поймать и связать живыми почти невозможно, развѣ только маленькихъ жеребятъ; это утверждаютъ многіе компетентные авторитеты—Палласъ, Эверсманъ, Юнкеръ и др. [2]). Наоборотъ, ловля арканами (лассо) весьма употребительна въ примѣненіи къ одичавшимъ лошадямъ; такъ практиковалось, и практикуется еще и теперь, въ пампахъ Ла-Платы, при чемъ такое укрощеніе требуетъ все-таки большаго искусства и ловкости, какими и отличаются тамошніе гаучо, и чѣмъ могъ, по справедливости, гордиться и Владиміръ Мономахъ, въ XII вѣкѣ.

Возможно, впрочемъ, что дикая лошадь палеолитическаго періода, начавшая исчезать съ распространеніемъ лѣса насчетъ прежней степи и съ умноженіемъ населенія, продолжала еще жить нѣкоторое время въ болѣе глухихъ мѣстахъ, отчасти даже приспособившись, можетъ быть, къ существованію въ лѣсахъ. Въ пользу возможности такого приспособленія говоритъ, напримѣръ, фактъ обитанія въ лѣсахъ зубра (въ Бѣловѣжской пущѣ и въ горахъ Кубанской области), тогда какъ ближайшій родичъ его, американскій бизонъ, живетъ (или скорѣе жилъ, такъ какъ теперь онъ уже почти совершенно истребленъ)—въ степяхъ, преріяхъ Сѣверной Америки. Но, во всякомъ случаѣ, область

[1]) О существованіи прежде „дикихъ" коней въ Полтавской губ. упоминаетъ Рубанъ въ своей „Исторіи Малой Россіи"; о томъ же въ Харьковской — проф. Багалѣй, но, какъ надо полагать, больше по догадкѣ, такъ какъ въ приведенныхъ имъ извѣстіяхъ о старинныхъ ловахъ дикіе кони нигдѣ не упоминаются.

[2]) По Палласу: „Neonati cicurantur facillime, adulti nunquam. Fugiunt mira celeritate etc."; по Эверсману: „старые тарпаны скачутъ такъ быстро, что всегда спасаются, и никогда не удается догнать ихъ".

обитанія дикихъ лошадей, охватывавшая въ палеолитическій періодъ обширное пространство всей средней, южной и восточной Европы, уже въ неолитическій должна была разбиться на нѣсколько обособленныхъ и, сравнительно, незначительныхъ участковъ, гдѣ, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе преслѣдованія человѣкомъ, измѣнившихся условій существованія, размноженія въ болѣе тѣсной средѣ (Inzucht) дикія лошади обречены были на послѣдовательное вымираніе. Дѣйствительно, археологическія раскопки показываютъ, что лошадь, игравшая важную роль въ качествѣ охотничьяго животнаго въ палеолитическій періодъ, утрачиваетъ это значеніе въ неолитическую эпоху, и главными объектами охоты являются съ этого времени благородный олень (Cervus elaphus), лось, кабанъ, медвѣдь, дикій быкъ, но не лошадь. Еще большему вымиранію и истребленію должна была подвергнуться лошадь въ послѣдующіе періоды доисторической эпохи, начиная съ бронзоваго, когда ознакомленіе съ прирученіемъ лошади должно было дать новый поводъ къ преслѣдованію дикихъ коней и ловлѣ ихъ жеребятъ (для прирученія). Правда, упоминанія о „дикихъ лошадяхъ" встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ, а также XV и XVI столѣтій, но вообще довольно рѣдко. Въ древнихъ германскихъ сказаніяхъ упоминается, напримѣръ, морской исполинъ Изе, который охотится на берегу на сѣрыхъ въ яблокахъ коней и ловитъ ихъ, но эта „сѣрая въ яблокахъ" масть не свойственна дикимъ и даже первобытнымъ породамъ домашнихъ лошадей, и встрѣчается только у арабскихъ, рысистыхъ и другихъ культурныхъ породъ, возникшихъ въ результатѣ искусственнаго подбора. Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ — Зигфридъ охотится за кабаномъ, оленемъ, медвѣдемъ, лосемъ, зубромъ, туромъ, даже львомъ, но при этомъ не упоминается о дикомъ конѣ. Ганъ полагалъ, правда, возможнымъ отождествить съ послѣднимъ загадочнаго „grimme Schelch", но это весьма сомнительно, и вѣроятнѣе, что подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть дикаго быка или какого-нибудь оленя [1]). Дикія ло-

[1]) E. *Hahn*, Schelch des Nibelungenliedes, въ „Verh. d. Berl. Ges. für Anthropologie" etc., 1892, S. 121 ff.—Schelch'а отождествляли ранѣе съ Megaceros hibernicus, но этотъ олень съ громадными рогами вымеръ въ Европѣ еще въ дилювіальный періодъ; позже—съ зубромъ или самцомъ лосемъ; съ послѣднимъ склоненъ отождествлять его и Нерингъ. Ганъ основывается на одной средневѣковой глоссѣ къ псалмамъ, гдѣ Scelaho, Scelo = Schelch толкуется, какъ Onager, то-есть дикій

шади держались всего дольше въ княжескихъ заповѣдныхъ лѣсахъ и пустошахъ, напримѣръ, въ „Новомъ лѣсѣ“ (New Forest), устроенномъ Вильгельмомъ-Завоевателемъ, и во владѣніяхъ герцоговъ Липпскихъ (Lippe). Но и здѣсь эти лошади, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, были уже помѣшаны съ домашними; Гану удалось разыскать одну запись Липпской экономіи 1537 г., изъ которой видно, что для обновленія крови къ дикимъ лошадямъ пускали домашнихъ жеребцовъ (убивая болѣе старыхъ дикихъ) [1]. Въ другихъ случаяхъ, дикіе жеребцы отбивали сами пасущихся вблизи ихъ мѣста жительства домашнихъ кобылъ для увеличенія своего гарема. Сохранилось извѣстіе, что въ Австріи (Венгріи) такихъ лошадей иногда ловили и укрощали; въ XVII вѣкѣ онѣ были извѣстны подъ именемъ „Wildfang“; ихъ считали невзрачными, но цѣнили за выносливость.

Вообще, по отношенію къ „дикимъ“ лошадямъ исторической эпохи въ Европѣ можно въ значительной мѣрѣ примѣнить слѣдующее замѣчаніе проф. Гана: „Дикія лошади, упоминаемыя съ древнихъ временъ, какъ водившіяся въ Эльзасѣ, Англіи, Швеціи и т. д., могутъ признаваться дикими только въ извѣстномъ смыслѣ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о лошадяхъ, хотя и дикихъ, но составлявшихъ признанную собственность извѣстныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять еще во вниманіе то обстоятельство, что косяки лошадей состоятъ всегда изъ полигамическихъ семей, при чемъ жеребецъ всегда склоненъ увеличивать свой гаремъ и отбивать, если гдѣ окажется къ тому возможность, домашнихъ кобылъ. Поэтому въ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются въ близкомъ сосѣдствѣ дикія и домашнія лошади, мы всегда можемъ предполагать, что и такъ называемыя дикія имѣютъ въ себѣ часть крови домашнихъ. Дикихъ лошадей въ первобытномъ видѣ мы собственно не знаемъ, такъ какъ нѣтъ мѣстности, гдѣ бы водились только онѣ, и не встрѣчались бы также и домашнія. Вслѣдствіе этого, и такъ называемыя дикія лошади восточныхъ степей признавались всегда лучшими наблюдателями, въ извѣстной степени, за одичалыхъ“ [1]).

Анучинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

оселъ, а также на другомъ памятникѣ, гдѣ scelo является какъ синонимъ производителя—жеребца. Венанцій Фортунатъ, воспѣвая охоты германскихъ князей въ Вогезахъ, упоминаетъ—рядомъ съ оленями, дикими козами, турами, зубрами, медвѣдями, кабанами—также *онагровъ*. Относительно „Schelch“ можно замѣтить, что его сопоставляютъ съ вендскимъ (лужицкимъ) to schélé, ten schels — теленокъ; эпитетъ „grimme“, во всякомъ случаѣ, подходитъ болѣе къ дикому быку, чѣмъ къ лошади.

[1]) Запись эта такова: „Vor einen hinxt LXVI gld. de quam up de sende vor einen scelen ton wilden perden“.—Ганъ полагаетъ, что за этими „дикими“ конями охотились только въ особо важныхъ случаяхъ знатныя лица (?).

[1]) *Hahn*, l. c. S. 191. Ср. V. *Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere. 6-te Auflage, 1894, S. 25: „Если Вогезскія лошади, хотя и съ трудомъ, но могли быть съ успѣхомъ укрощаемы; если dux Sobezlaus (въ XII вѣкѣ), возвращаясь изъ похода въ Силезію, привелъ съ собою (вмѣстѣ съ безчисленными стадами рогатаго скота) indomitarum equarum greges, или, если въ одномъ вестфальскомъ актѣ XIV в. дается какому-то лицу право на рыбную ловлю, охоту и на vagi equi въ извѣстной территоріи; точно также, если мы читаемъ, что по законамъ саксовъ „дикія“, не содержимыя подъ кровомъ (nicht unhut) лошади не принадлежать къ имуществу (движимому) жены, то позволительно предположеніе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ собственно о лошадяхъ убѣжавшихъ и одичалыхъ. Подобнымъ же образомъ, и лошади, встрѣченныя св. Оттономъ въ Помераніи (въ XII в.), или за которыми охотились нѣмецкіе рыцари въ Пруссіи, могли быть, хотя и родившимися въ лѣсахъ, но происходившими отъ убѣжавшихъ кобылъ, и это тѣмъ болѣе, что указанныя глухія мѣстности были ареной военныхъ походовъ и разбоевъ. Еще естественнѣе это могло быть въ Черниговскомъ княжествѣ, гдѣ великій князь собственноручно укротилъ до 20 дикихъ коней,—въ той области, которая граничила съ кочевьями конныхъ народовъ, и лѣса которой могли служить подходящимъ убѣжищемъ для вырвавшихся на свободу лошадей. Притомъ великій князь не говоритъ, что онъ охотился за конями и убивалъ ихъ, какъ другихъ охотничьихъ животныхъ, но что онъ ихъ ловилъ, то-есть бралъ на арканъ, какъ это употребительно относительно полуприрученныхъ табуновъ“.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCVI.

1896.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ

Правительственныя распоряженія . . . 3

— Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (лл. 1—2).

И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія во время имперіи (*продолженіе*) . . . 1

Д. Н. Анучинъ. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи (*окончаніе*) . . . 67

О. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (*продолженіе*) . . . 96

П. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (*продолженіе*) . . . 126

О. Ѳ. Зигель. Международное общество для сравнительнаго правовѣдѣнія и науки о народномъ хозяйствѣ . . . 155

Критика и библіографія.

П. М. Майковъ. Correspondance de Sa Majesté l'Impératrice Marie Fédorowna avec Mademoiselle Nélidoff. (1797—1801). Paris. Leroux. 1896 . . . 169

И. Соколовъ. Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита. По рукописи Московской Синодальной библіотеки издалъ *И. Помяловскій*. С.-Пб. 1896 . . . 180

В. Серебрениковъ. *Веніаминъ Снегиревъ*. Психологія проф. *В. А. Снегирева*. Харьковъ. 1893 . . . 191

С. Ѳ. Ольденбургъ. Сказки современаго Египта. Yacoub Artin Pacha. Paris. 1895 . . . 209

А. Деревицкій. *А. Павловскій*. Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ. С.-Пб. 1896 . . . 213

— Книжныя новости . . . 228

— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздкѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года, въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (*продолженіе*) . . . 1

— Наша учебная литература (разборъ 1 книги) . . . 33

Современная лѣтопись.

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа . . . 1

В. Рудаковъ. Левъ Николаевичъ Модзалевскій (*некрологъ*) . . . 10

Отдѣлъ классической филологіи.

— Exegetica . . . 1

А. Ѳ. Энманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (*продолженіе*) . . . 20

Въ приложеніи.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики . . . 433

Объявленія.

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 1-го іюля).

КЪ ВОПРОСУ О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ И ОБЪ ИХЪ ПРИРУЧЕНІИ ВЪ РОССІИ [1]).

(По поводу статьи Ѳ. П. Кеппена: „Къ исторіи тарпана въ Россіи").

III.

До послѣдняго времени, по отношенію къ первоначальному знакомству съ домашней лошадью, къ ея древнѣйшему прирученію, господствовало такое мнѣніе, что это прирученіе послѣдовало, вѣроятно, въ степяхъ Средней Азіи, откуда знакомство съ домашней лошадью распространилось постепенно на западъ—въ Переднюю Азію, Сѣверную Африку и Европу. Такой взглядъ находилъ себѣ опору въ общемъ ходѣ культуры съ Востока, откуда (какъ доказываютъ изслѣдованія натуралистовъ) ведутъ свое происхожденіе и многіе важнѣйшіе виды культурныхъ растеній, а равно и вообще древнѣйшія формы скотоводства и земледѣлія. До 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія однако не имѣлось болѣе точныхъ данныхъ для разъясненія вопроса о томъ, съ какой приблизительно эпохи стало распространяться въ Европѣ пользованіе домашними животными; и только открытія въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, датскихъ „кухонныхъ остаткахъ" (кьёккенмёддингахъ), пещерахъ, древнихъ могилахъ и т. д. бросили нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Оказалось, что въ палеолитическую эпоху каменнаго вѣка человѣкъ въ Европѣ жилъ еще въ состояніи дикаря-звѣролова, на подобіе нынѣшнихъ эскимосовъ, и не

[1]) *Окончаніе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

обладалъ даже собакой [1]), не смотря на то, что его окружала богатая фауна, многіе представители которой (сѣверный олень, лошадь, дикій быкъ, кабанъ, волкъ) могли бы дать матерьялъ для образованія домашнихъ породъ животныхъ. Къ концу этого періода человѣкъ однако уже вступаетъ въ обладаніе собакой, которая сопутствуетъ ему положительно въ эпоху датскихъ „кухонныхъ остатковъ", пользуясь остатками его трапезы и огладывая кости убиваемыхъ имъ на охотѣ и съѣдаемыхъ затѣмъ животныхъ. Дальнѣйшій шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ неолитическій періодъ, и именно къ концу его, тогда какъ въ первую половину этого періода, хотя характеръ фауны и замѣтно измѣнился (съ распространеніемъ лѣсовъ), но звѣроловный бытъ человѣка, повидимому, продолжалъ сохранять свои прежнія существенныя особенности. Въ Россіи, по крайней мѣрѣ, именно на побережьѣ Ладожскаго озера и на берегахъ Оки, отложенія неолитическаго періода, заключая въ себѣ, мѣстами, значительныя скопленія костей дикихъ животныхъ,—изъ домашнихъ доставили покуда только остатки собаки, которая кое-гдѣ уже была представлена и болѣе крупной, очевидно приспособленной для охоты, породой. Первые несомнѣнные слѣды скотоводства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, земледѣлія, мы встрѣчаемъ лишь въ эпоху швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, культурный слой коихъ представилъ несомнѣнныя доказательства тому, что населеніе этихъ построекъ воздѣлывало ячмень, пшеницу, просо, ленъ и разводило крупный рогатый скотъ, свиней, овецъ и козъ. При этомъ интересно, что внимательное изученіе остатковъ этихъ культурныхъ растеній и животныхъ привело къ заключенію о происхожденіи соотвѣтственныхъ породъ и разновидностей съ юга и востока, изъ Южной Европы, Сѣверной Африки, Западной Азіи. Во-первыхъ, въ пользу этого свидѣтельствовало уже присутствіе козы и овцы, дикіе родичи коихъ въ Средней Европѣ не водились [2]), затѣмъ—знакомство съ ячменемъ и пшеницею, первоначальная

[1]) Пьеттъ выразилъ мнѣніе, что палеолитическій человѣкъ во Франціи уже пробовалъ приручить сѣвернаго оленя и лошадь; въ доказательство онъ приводитъ нѣкоторыя изображенія этихъ животныхъ (той эпохи), указывающія какъ бы на нѣчто вродѣ хомута или узды, но, понятно, что одного подобнаго доказательства еще слишкомъ недостаточно.

[1]) Родоначальникомъ козы считается видъ Capra aegagrus Gmel., родина коего Малая Азія. Овца ведетъ свое происхожденіе, вѣроятно, отъ Ovis orientalis Gmel., водящагося въ горахъ Персіи и Антиливана, хотя въ образованіи нѣкоторыхъ породъ принимали, можетъ быть, участіе африканскій дикій баранъ (съ гривой), сардинскій и корсиканскій муфлонъ, и даже—центрально-азіатскіе архары.

родина коихъ, какъ полагаютъ ботаники, въ Азіи, и которые представлены въ свайныхъ постройкахъ нѣсколькими разновидностями, свидѣтельствующими о продолжительной культурѣ и даже, по словамъ Гэра (Heer), тождественными съ воздѣлывавшимися въ древнемъ Египтѣ [1]); наконецъ, и формы рогатаго скота и свиньи (Torfrind и Torfschwein), отличающіяся отъ позднѣйшихъ породъ, происходящихъ отъ прирученія дикаго европейскаго быка (Bos primigenius) и европейскаго кабана (Sus scropha), и сходныя съ восточными породами тѣхъ же животныхъ (Bos brachyceros и Sus indicus [2]). Что касается

[1]) Хотя заключенія Гэра были впослѣдствіи подвергнуты критикѣ Кёрнико, Витманомъ и Бушаномъ и отчасти признаны сомнительными, тѣмъ не менѣе, достовѣрно извѣстно, какъ замѣчаетъ Бушанъ, что „въ неолитическій періодъ, въ Средней и Южной Европѣ, появляются разомъ почти всѣ культурныя растенія, и притомъ въ сравнительно развитыхъ разновидностяхъ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ достаточенъ для устраненія всякаго сомнѣнія въ томъ, что такъ называемая неолитическая культура должна была появиться въ Европѣ съ переселеніемъ новаго народа или нѣсколькихъ новыхъ племенъ. Откуда явились эти народы, прямо-ли съ юга или съ юго-востока, рѣшить трудно; вѣроятно, что иммиграція ихъ послѣдовала по обоимъ этимъ направленіямъ". См. *Buschan*, Vorgeschichtliche Botanik der Cultur—und Nutzpflanzen der alten Welt auf Grund prähistorischer Funde. Br. 1895. S. 92.—Родоначальникомъ ячменя Кёрнике считаетъ Hordeum spontaneum C. Koch, — видъ, распространенный теперь отъ Кавказа до Персіи. Дикіе родичи пшеницы болѣе сомнительны и едва ли уже существуютъ въ настоящее время. Вообще же, по мнѣнію Бушана, происхожденіе нашихъ хлѣбныхъ злаковъ вѣроятнѣе всего полагать въ области, обнимающей Грецію, Малую Азію, Кавказъ, низменность Евфрата и Сиріи.

[2]) Къ такому выводу пришелъ Рютимейеръ въ своей „Fauna der Pfahlbauten". Впослѣдствіи Нерингъ старался доказать, что эти древнѣйшія породы европейскаго рогатаго скота и свиньи могли произойти и отъ европейскихъ дикихъ видовъ, и что ихъ меньшая величина и другія особенности обусловливались вырожденіемъ вслѣдствіе плохаго ухода и корма. Такое предположеніе вызвало однако рѣшительное опроверженіе со стороны Рютимейера, да, и дѣйствительно, оно слишкомъ искусственно. Какимъ образомъ мы можемъ ожидать столь рѣзкаго вырожденія на первыхъ, такъ сказать, порахъ одомашненія, когда и впослѣдствіи, даже въ настоящее время, мы встрѣчаемъ еще—въ Германіи, Австріи, Россіи и т. д.—мѣстами первобытныя, необлагороженныя породы этихъ животныхъ, не оставляющія сомнѣнія въ ихъ родствѣ съ Bos primigenius и Sus scropha. Съ другой стороны, относительно торфяной свиньи родство ея съ азіатскими формами было доказано обстоятельными изслѣдованіями Натузіуса. Впрочемъ, нѣтъ необходимости разумѣть подъ Sus indicus — индійскую или китайскую породу, а скорѣе, какъ полагаетъ Ганъ, какую-нибудь породу Месопотаміи. Съ своей стороны, можемъ замѣтить, что и теперь еще въ западномъ Закавказьѣ распространена мелкая, черная порода свиней съ стоячими ушами, относящаяся очевидно къ типу S. indicus и совершенно непохожая, напр. на первобытную крупную породу, разводимую въ Россіи, Австріи и т. д.

домашней лошади, то она, повидимому, появилась позже, и несомнѣнные остатки ея встрѣчаются лишь въ свайныхъ постройкахъ металлическаго (бронзоваго) вѣка. Уже одно это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что, какъ мы видѣли, и неолитическая культура свайныхъ построекъ указываетъ на происхожденіе ея съ юга и юго-востока, заставляетъ думать, что и знакомство съ домашнею лошадью явилось отъ болѣе культурныхъ народовъ изъ тѣхъ же странъ. И это тѣмъ болѣе, что и самое знакомство съ бронзою, въ особенности въ тѣхъ совершенныхъ издѣліяхъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ остаткахъ свайныхъ построекъ соотвѣтственной эпохи, и которыя указываютъ на ихъ фабричное изготовленіе культурнымъ и промышленнымъ народомъ,—говоритъ въ пользу такого предположенія. Естественно допустить, что тѣ же торговцы и колонисты, которые занесли знакомство съ бронзою, могли привести съ собою и прирученныхъ лошадей, тѣмъ болѣе, что послѣднія уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова были извѣстны въ Азіи. Китайскія лѣтописи говорятъ объ употребленіи лошадей для военныхъ цѣлей, подъ верхъ и для запряжки въ колесницы, еще на первыхъ порахъ китайской исторіи, за 3000 лѣтъ до нашей эры. Къ глубокой древности должно быть отнесено и знакомство съ лошадью культурныхъ народовъ въ области Тигра и Евфрата; Гоммель полагаетъ, что лошадь явилась въ Вавилонію изъ Элама, то-есть, съ востока, примѣрно за 2300 лѣтъ до Р. Х. Но евреи и египтяне усвоили себѣ лошадь уже позже; египтяне, напримѣръ, не ранѣе нашествія гиксовъ, то-есть, за 2000—1750 лѣтъ до Р. Х., да и то ею пользовались (какъ и ассирійцы, и древнѣйшіе эллины), главнымъ образомъ, для военныхъ цѣлей, запрягая въ колесницы, а не подъ верхъ и не для полевыхъ работъ или для возки тяжестей, для чего употреблялись быки и ослы. Наоборотъ, кочевыя племена Средней Азіи, съ глубокой древности, повидимому, были извѣстны какъ народы конные, производившіе свои набѣги верхомъ на лошадяхъ, и (какъ было уже не разъ высказано предположеніе) ихъ образъ вѣроятно и повелъ къ созданію миѳа о кентаврахъ, полуконяхъ-полулюдяхъ, существахъ, въ которыхъ человѣкъ какъ бы слился въ одно съ своимъ конемъ,—представленіе, которое возникло, какъ говорятъ, и у древнихъ мексиканцевъ, увидавшихъ впервые испанскую конницу. Не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что лошадь стала извѣстна въ Передней Азіи и въ Египтѣ позже другихъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ и осла, а въ Передней Азіи—и верблюда, и что знакомство съ нею еще позже перешло въ южную

Европу, Грецію и Италію, а оттуда и въ болѣе сѣверныя области, между прочимъ и къ обитателямъ свайныхъ построекъ на швейцарскихъ озерахъ.

Всѣ эти культурно-историческія данныя давно уже привели къ предположенію, что первое прирученіе лошади послѣдовало, вѣроятно, въ Средней Азіи и было дѣломъ какого нибудь монгольскаго или тюркскаго народа, отъ котораго знакомство съ домашней лошадью распространялось и къ китайцамъ, и къ семитамъ, и къ арійскимъ племенамъ Западной Азіи и южной Европы. Изслѣдованіе швейцарскихъ свайныхъ построекъ способствовало только къ подтвержденію этой гипотезы, такъ какъ культура этихъ поселеній выказываетъ явные слѣды заноса съ юга и юго-востока, а остатки лошадей, именно ихъ черепа (въ пфальбаутахъ бронзоваго вѣка)—свидѣтельствуютъ о принадлежности ихъ породѣ восточнаго типа, родственнаго арабскому, туркестанскому и т. д. [1]). Возможно, что по мѣрѣ того, какъ знакомство съ лошадью распространялось, когда въ особенности ѣзда верхомъ стала дѣломъ болѣе обычнымъ, обитатели Средней Европы обратили вниманіе и на дикихъ коней, если таковые еще водились, въ это время, въ предѣлахъ ихъ области, и стали приручать и ихъ, но едва ли такое прирученіе, сопряженное, во всякомъ случаѣ, съ большимъ трудомъ и рискомъ, могло серьезно замѣнить правильное коневодство, которое, съ развитіемъ культуры (въ Италіи, Галліи и т. д.), должно было распространяться все болѣе и болѣе въ Европѣ. Впрочемъ, есть основаніе думать, что распространеніе домашней лошади шло въ Европу и непосредственно съ востока, изъ области нынѣшней южной Россіи, гдѣ уже за много вѣковъ до Р. Х. жили кочевые народы, хорошо знакомые съ коневодствомъ.

Въ новѣйшее время, однако, указанная теорія о первоначальномъ прирученіи лошади въ Азіи и о распространеніи знакомства съ домашнею лошадью съ востока, подверглась нѣкоторому ограниченію, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Нерингъ, сравнивъ нѣсколько череповъ западно-европейскихъ тяжелыхъ породъ домашнихъ лошадей

[1]) Само собою разумѣется, что подъ словами „родственный арабскому“ не слѣдуетъ разумѣть тождественный съ нынѣшнимъ арабскимъ; послѣдній выработался сравнительно поздно, такъ какъ въ древности, даже во времена римской Имперіи, арабы имѣли только овецъ и верблюдовъ, а не лошадей. Хотя въ IV вѣкѣ Амміанъ Марцеллинъ и упоминаетъ о лошадяхъ сарациновъ, но что касается собственно Аравіи, то даже еще во времена Мухамета лошади были тамъ, сравнительно, рѣдки.

съ нѣсколькими остатками дилювіальной европейской лошади (особенно съ черепомъ изъ лёсса у Ремагена, на Рейнѣ) пришелъ къ заключенію о значительномъ сходствѣ между ними и о принадлежности ихъ одному типу, отличному отъ типа восточныхъ, азіатскихъ породъ лошадей. Отсюда имъ сдѣланъ былъ выводъ, что прирученіе лошади послѣдовало отчасти и въ Европѣ, и что именно здѣсь приручена была болѣе тяжелая и длинноголовая разновидность, давшая начало соотвѣтственной тяжелой породѣ домашнихъ лошадей, неизвѣстной въ Азіи. Впрочемъ, и Нерингъ не отрицаетъ, что порода свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка, представляющая явственныя черты азіатскаго типа, распространилась сюда изъ Азіи, и что такимъ образомъ уже съ доисторической эпохи ведетъ начало то смѣшеніе азіатскихъ формъ лошадей съ европейскими, которое въ гораздо болѣе позднее время, путемъ скрещиванія и подбора, повело къ созданію улучшенныхъ породъ скаковой, рысистой и возовой лошади.

Болѣе смѣлымъ въ этомъ отношеніи выступаетъ г. Кеппенъ. Онъ ставитъ въ числѣ своихъ тезисовъ слѣдующіе: „9) Порабощеніе и прирученіе лошади послѣдовало не въ какой либо одной опредѣленной мѣстности и не только однажды. Означенный процессъ прирученія происходилъ въ различные пріемы, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ. 10) Одною такою мѣстностью, гдѣ лошадь была приручена, была Южная Россія („Скиѳія")". Кромѣ того, г. Кеппенъ считаетъ мнѣніе, будто попадающіяся въ Западной Европѣ лошади восточнаго, короткоголоваго типа—родомъ изъ Азіи—„положительно ошибочнымъ"; называетъ мнѣніе Гена, „будто Европа почти всѣ свои домашнія животныя и культурныя растенія получила изъ Азіи"—„одностороннимъ" и считаетъ „очень вѣроятнымъ", „что лошади, убитыя свайными обитателями, были прямые потомки водившихся въ тѣхъ же мѣстностяхъ дилювіальныхъ коней".

Мы видѣли уже выше, какія имѣются указанія на распространеніе первобытнаго скотоводства и земледѣлія съ востока. Возможно, правда, допустить, что, ознакомившись съ домашними животными, племена, населявшія Европу, стали и сами мѣстами заниматься дѣломъ прирученія тождественныхъ или близкихъ видовъ, но чтобы такой процессъ прирученія, по отношенію къ одному и тому же виду, происходилъ нѣсколько разъ, „въ различные пріемы", совершенно независимо одинъ отъ другаго, въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Нужно особое стеченіе обстоятельствъ, особыя благопріятныя условія, чтобы сдѣлать опредѣленный шагъ впередъ на пути культурнаго

развитія и обогатить новымъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ культурный багажъ человѣчества. Что касается прирученія животныхъ, то мы видимъ, что не всѣ народы были къ нему одинаково способны. Сѣверный олень водится дико и на сѣверѣ Стараго Свѣта, и Новаго, однако американскіе эскимосы и индѣйцы не въ состояніи были воспользоваться имъ для служенія человѣку, и только наши сибирскіе инородцы сдѣлали изъ него животное ручное. Да и то мы видимъ, что не всѣ племена пользуются имъ одинаково, что лопари, напримѣръ, запрягаютъ оленя только по одиночкѣ въ свои кережки, что тунгузы одни ухитряются ѣздить на немъ верхомъ, что самоѣды, напротивъ того, запрягаютъ ихъ четверкой въ свои нарты, что оленеводство только недавно, сравнительно, было усвоено у самоѣдовъ зырянами и т. д. Азіатскій слонъ давно прирученъ индусами, но африканскій остается въ дикомъ состояніи, хотя кареагеняне умѣли приручать и его. Африканскій дикій оселъ (A. teniopus) былъ прирученъ, и домашнія породы его распространились по всей Сѣверной Африкѣ, Южной Европѣ, Передней и Средней Азіи, но азіатскіе дикіе ослы остались неприрученными. Наоборотъ, дикая азіатская лошадь была приручена съ незапамятныхъ временъ, тогда какъ африканскія породы—зебры и квагги—сохранили свою свободу, хотя нѣкоторые опыты показываютъ, что и онѣ могли бы быть приручены, если бы на это дѣло было обращено большее вниманіе въ теченіе ряда поколѣній. Многіе дикари любятъ содержать у себя дѣтенышей разныхъ животныхъ и нерѣдко приручаютъ ихъ, но отсюда до полнаго прирученія извѣстнаго вида и правильнаго разведенія его еще далеко. Для этого требуются особыя побудительныя причины, сознаніе явственной пользы и необходимости такого прирученія и—надлежащая энергія и настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли, къ чему оказываются способными далеко не всѣ народы, и что могло быть осуществлено только при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Что касается лошади, то прирученіе ея всего естественнѣе предполагать тамъ, гдѣ представляло крайнюю необходимость имѣть болѣе легкое и быстрое животное для передвиженія, и гдѣ подобное животное, въ дикомъ состояніи, водилось стадами въ значительномъ количествѣ, то-есть, въ обширныхъ степяхъ Азіи, гдѣ, какъ мы знаемъ, и теперь еще водятся большія стада кулановъ и джигетаевъ, и гдѣ лошадь является незамѣнимой слугой человѣку—въ дѣлѣ охоты, кочевки, передвиженій, пищи и т. д. Ни коза, ни овца, ни быкъ не могли здѣсь замѣнить лошади, а верблюдъ—водился первоначаль-

но, повидимому, южнѣе, гдѣ и былъ прирученъ, и откуда онъ лишь впослѣдствіи распространился на сѣверъ (въ Среднюю Азію) и западъ (въ Африку). Но въ Европѣ, въ неолитической и позднѣйшій періоды, лошадь не могла имѣть того же значенія. Дикая лошадь къ этому времени, съ постепеннымъ исчезаніемъ степей, стала, какъ мы видѣли, рѣдкою; съ другой стороны, культурное движеніе съ востока уже доставило рядъ домашнихъ животныхъ, полезныхъ и для питанія, и для одежды, и для земледѣльческихъ работъ. Это культурное движеніе должно было,—только можетъ быть нѣсколько позже,—занести и знакомство съ домашней лошадью, съ элементарнымъ коневодствомъ, которое, конечно, должно было распространяться, съ большимъ культурнымъ воздѣйствіемъ Востока и Юга (финикіанъ, грековъ, италиковъ) на Среднюю Европу. Обитателямъ свайныхъ построекъ, во всякомъ случаѣ, было легче и естественнѣе усвоить себѣ лошадь тѣмъ же путемъ, какимъ они усвоили себѣ пшеницу, ячмень, рогатый скотъ, овцу и т. д., а затѣмъ бронзовыя издѣлія, чѣмъ искать ее въ швейцарскихъ лѣсахъ, (откуда она вѣроятно уже исчезла къ этому времени) и производить рискованные опыты надъ ея прирученіемъ. Только сознавъ явственно пользу лошади и встрѣчая затрудненіе въ полученіи ея въ достаточномъ количествѣ, населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Средней Европы было, можетъ быть, вынуждено обратиться къ разысканію дикихъ коней,—тамъ, гдѣ они еще водились,—и къ попыткамъ ихъ прирученія, попыткамъ, которыя, можетъ быть, и имѣли въ результатѣ образованіе нѣкоторыхъ домашнихъ западноевропейскихъ породъ своеобразнаго типа.

Полагая наиболѣе вѣроятнымъ, что лошадь была первоначально приручена въ азіатскихъ степяхъ, мы однако не можемъ опредѣлить точнѣе, гдѣ именно это произошло. Возможно, что это было дѣломъ народовъ, жившихъ въ прикаспійскихъ и даже въ припонтійскихъ степяхъ, но, вѣроятнѣе, что далѣе къ востоку, судя по тому, что домашняя лошадь уже очень давно стала извѣстна и въ Китаѣ, и въ Эламѣ, и что низейскія лошади особенно славились въ древности. Во всякомъ случаѣ, южно-русскіе скиѳы уже съ перваго ихъ появленія въ исторіи были народомъ коннымъ, какъ и жившіе за ними массагеты, іирки, аримаспы и другіе, и Геродотъ, собиравшій въ V вѣкѣ до Р. Х. свѣдѣнія о Скиѳіи въ черноморскихъ греческихъ колоніяхъ, ничего не говоритъ о прирученіи скиѳами дикихъ коней, что, конечно, должно было бы остановить на себѣ его вниманіе, если бы это еще практиковалось въ его время. Позднѣйшіе писатели тоже объ этомъ

не упоминаютъ; Страбонъ сообщаетъ, напримѣръ, что скиѳы и сарматы охотились на оленей, кабановъ, онагровъ и доркадъ, но доркады—антилопы, можетъ быть—сайги, а онагры—дикіе ослы, куланы. Возможно, что подъ именемъ онагровъ древніе писатели смѣшивали и кулановъ, и дикихъ лошадей, но во всякомъ случаѣ скиѳы за этими онаграми „охотились", то-есть, убивали, а не приручали. Впрочемъ, изъ свидѣтельствъ Геродота и другихъ видно, что у скиѳовъ было изобиліе домашнихъ лошадей, что они питались ихъ мясомъ и молокомъ, приносили ихъ въ жертву, убивали десятками на царскихъ тризнахъ и т. д., а потому, естественно, и не имѣли надобности въ ловлѣ и прирученіи дикихъ коней, если таковые и водились въ ихъ предѣлахъ.

Отсутствіе прямыхъ указаній однако не останавливаетъ г. Кеппена. Слѣдуя догадкѣ Эккера, онъ утверждаетъ, что на прирученіе дикихъ коней скиѳами указываютъ изображенія на извѣстной серебряной вазѣ (въ родѣ амфоры) изъ Чертомлыцкаго кургана (близъ Никополя), раскопаннаго И. Е. Забѣлинымъ. На фризѣ этой вазы находятся художественныя изображенія, прекрасной греческой работы IV вѣка до Р. Х., представляющія очевидно скиѳовъ, занятыхъ коневодствомъ. Такъ объясняли содержаніе даннаго рисунка всѣ археологи, описывавшіе эту вазу. По словамъ Стефани, „разсматриваемая композиція очевидно изображаетъ поимку и случку, или можетъ быть дрессировку породистыхъ царскихъ коней, свободно скитающихся по степи... Во всемъ изображеніи только одинъ конь неулучшенной породы. Кажется, что видишь предъ собою одну изъ нынѣшнихъ киргизскихъ лошадей". По мнѣнію Прохорова, „художникъ изобразилъ здѣсь скиѳовъ.... съ любимымъ ихъ занятіемъ—ухаживаніемъ за лошадьми... Здѣсь представлены лошади разныхъ породъ, начиная съ тѣхъ, которыя пасутся въ полудикомъ состояніи, въ табунахъ; скиѳы ловятъ ихъ арканами, и для усмиренія, путаютъ имъ переднія ноги; иныхъ, уже усмиренныхъ, сѣдлаютъ и употребляютъ въ дѣло. Этотъ обычай вполнѣ сохранился у насъ и до сихъ поръ въ Новороссійскомъ краѣ, на Дону и въ другихъ мѣстахъ Россіи". Подобнымъ же образомъ, гр. Толстой и Кондаковъ говорятъ, что въ указанной композиціи „дѣло идетъ о дрессировкѣ породистыхъ царскихъ коней... Одинъ скиѳъ спутываетъ смирно стоящему передъ нимъ коню переднія ноги. Во всемъ изображеніи это единственный степной конь, котораго порода, близкая къ нынѣшнимъ киргизскимъ лошадямъ, передана съ особенною вѣрностью. Конюхъ пріѣхалъ въ табунъ очевидно послѣднимъ

и только теперь треножитъ своего коня" [1]). Натуралистъ, проф. А. Ѳ. Брандтъ также считаетъ наиболѣе „правдоподобнымъ" толкованіе, „что ловятся и укрощаются лошади изъ табуна, имѣющаго хозяина. Извѣстно, что въ землѣ войска Донскаго, далѣе—въ киргизскихъ степяхъ лошади... бродятъ почти въ полной свободѣ полудикими табунами и косяками. Въ этихъ мѣстностяхъ и по сію пору можно видѣть сцены, напоминающія изображенныя на древне-скиѳской вазѣ, ибо полуодичавшія лошади не предоставляютъ себя добровольно въ распоряженіе своего хозяина". Но г. Кеппенъ думаетъ иначе: „очевидно,—говоритъ онъ,—что на этой вазѣ изображенъ важнѣйшій актъ (?) въ жизни скиѳовъ—укрощеніе тарпана (!). Эккеръ справедливо замѣчаетъ, что художникъ сгруппировалъ изящныя фигуры скиѳовъ и лошадей въ той очереди, въ которой слѣдовала одна за другой отдѣльныя манипуляціи укрощенія". Въ одномъ мѣстѣ помѣщены двѣ лошади, пасущіяся на волѣ въ степи. Съ обѣихъ сторонъ отъ нихъ изображенъ „первый актъ укрощенія: лошади схвачены наброшенными на нихъ арканами и скиѳы стараются удержать ихъ". На передней „площади"(?) „мы усматриваемъ важнѣйшій актъ укрощенія: скиѳы стараются всѣми силами повалить еще неукрощенное животное, чтобы взнуздать его". „Группа на лѣвой сторонѣ представляетъ уже укрощенную лошадь, которую скиѳъ взнуздываетъ". (Такой группы, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ, а есть уже взнузданная лошадь, которой скиѳъ поворачиваетъ на сторону голову и въ тоже время подгибаетъ другою рукою лѣвую ногу). „На правой группѣ лошадь уже совершенно прирученная, успокоившись и уже привыкши къ служенію, взнузданная и осѣдланная; скиѳъ ее спокойно спутываетъ, чтобы она еще болѣе успокоилась (?)". „Изъ описаннаго изображенія Эккеръ заключаетъ, что дѣйствительно въ самой Европѣ было произведено прирученіе и одомашненіе дикой лошади... Можно съ большою вѣроятностью предположить (добавляетъ г. Кеппенъ), что упомянутыя изображенія относятся именно къ тарпану,—такъ какъ изображенныя лошади ростомъ необыкновенно малы (?) (въ сравненіи съ фигурами скиѳовъ), съ большою головою, короткою, сильно развитою шеею и со взъерошенною гривою. Все это хорошо соотвѣтствуетъ описанію тарпана". (Замѣ-

[1]) Отчетъ Императорской Археографической коммиссіи за 1864 г., стр. 17, и атласъ, табл. I и слѣд.; *Прохоровъ*, Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. С.-Пб. 1881, стр. 9; гр. *Толстой* и *Кондаковъ*. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 2-й. 1889, стр. 138—139.

тимъ, что никакой „взъерошенной" гривы на изображеніяхъ не усматривается; грива, правда, не длинна, но спускается все-таки, вправо или влѣво, до половины шеи. Голова также пропорціональна, и у большинства коней даже можетъ быть названа красивою. Ростъ лошадей тоже не можетъ быть названъ „необыкновенно малымъ", въ особенности если допустить, что скиѳы были народъ довольно рослый).

Толкованіе, что изображенныя на Чертомлыцкой вазѣ сцены представляютъ укрощеніе дикой лошади, нельзя не признать довольно наивнымъ. Дикая лошадь, какъ и нынѣшній куланъ или Equus Przewalskii, должна была отличаться чуткостью и осторожностью, и, конечно, уже не подпускала къ себѣ такъ легко человѣка, да еще пѣшаго. Ее, несомнѣнно, и на конѣ было крайне трудно догнать, и по всей вѣроятности, когда происходили первые опыты прирученія, человѣкъ подкарауливалъ косякъ лошадей у водопоя, убивалъ изъ засады одну-двухъ и старался поймать маленькаго жеребенка. Такъ объясняетъ дѣло первобытнаго прирученія и Перинъ, цитируемый г. Кеппеномъ. Даже живущія на свободѣ (но не дикія а имѣющія хозяевъ) лошади аргентинской пампы усмиряются не такъ то скоро, какъ повидимому это полагаетъ г. Кеппенъ. Ихъ ловятъ, накидывая лассо на шею и на заднія ноги, затѣмъ валятъ на землю, надѣваютъ крѣпкіе поводья, даютъ встать и крѣпко привязываютъ къ тремъ, связаннымъ вмѣстѣ проволокой и глубоко врытымъ въ землю, столбамъ; при этомъ привязываютъ такъ, чтобы голова была поднята возможно выше и чтобы ей больно было качнуть головой или топнуть передними ногами. Въ такомъ положеніи лошадь оставляютъ день или два, не давая ни ѣсть, ни пить. Потомъ ее валятъ опять и въ первый разъ надѣваютъ узду съ удилами изъ мягкой кожи, связывая въ то же время ноги особыми путами, непозволяющими лошади развести широко ногами или ударить ими. Послѣ этого ее освобождаютъ отъ лассо, надѣваютъ сѣдло и на нее садится гаучо,—укротитель (domador), босой. Лошадь начинаетъ метаться, чтобы сбросить сѣдока, и, когда ей это не удается, стремглавъ бросается впередъ по прямой линіи. За ней, съ двухъ сторонъ, бросаются верхомъ (на ручныхъ лошадяхъ) два помощника укротителя, и, скача параллельно заставляютъ сворачивать укрощаемую лошадь съ прямаго пути и сдѣлать кругъ. Черезъ 20—30 минутъ быстраго карьера лошадь измучивается, и въ удобный моментъ сѣдокъ ее останавливаетъ и соска-

киваетъ съ сѣдла. Процедуру эту повторяютъ нѣсколько дней кряду, по два раза, пока лошадь не сдѣлается наконецъ ручной [1]).

Повидимому, и сцены на Чертомлыцкой вазѣ изображаютъ нѣчто подобное. Тутъ и набрасываютъ арканъ, и валятъ одну лошадь; любопытно также, что въ то время, когда всѣ прочіе скиѳы въ сапогахъ, одинъ — босой, какъ бы утомившійся, скинувшій съ праваго плеча свой казакинъ и что то держащій въ лѣвой рукѣ (правая рука его отломана) [2]). Что это не дикіе кони, видно уже изъ того, что всѣ они, за единственнымъ исключеніемъ, жеребцы; въ косякахъ же дикихъ лошадей и кулановъ обыкновенно взрослый жеребецъ, вожакъ, одинъ, а остальныя — кобылы. На это обратилъ вниманіе уже Стефани, и такъ какъ единственная, представленная безъ признаковъ жеребца, лошадь есть именно та, которую удерживаютъ спереди и сзади три скиѳа, повидимому старающіеся ее повалить, а рядомъ съ ними представленъ скиѳъ, удерживающій на поводу жеребца, которому онъ подгибаетъ въ то же время лѣвую ногу, то акад. Стефани и выразилъ предположеніе, что можетъ быть тутъ изображенъ особый пріемъ случки породистыхъ производителей. Смирно стоящая лошадь, которой скиѳъ надѣваетъ (или снимаетъ?) путы, по мнѣнію покойнаго Миддендорфа (извѣстнаго знатока конскихъ породъ) отличается по типу отъ остальныхъ лошадей; она менѣе породиста и, дѣйствительно, съ перваго же взгляда можетъ быть отличена отъ прочихъ (какъ и вообще отъ лошадей на древне-греческихъ изображеніяхъ), представляя въ то же время типичный складъ обыкновенной степной лошади,

---

[1]) *А. М. Беркенгеймъ.* Жизнь въ пампасахъ Южной Америки, въ „Землевѣдѣніи", 1895 г., кн. III—IV, стр. 61—62.

[2]) Изъ описанія Гмелина и Юнкера видно, что на тарпановъ устраивали облавы и убивали взрослыхъ жеребцовъ рогатинами, а жеребятъ ловили на арканъ. Киргизы, по словамъ Рычкова, ловили тарпановъ, преслѣдуя ихъ „о двуконь", и затѣмъ, поймавъ на арканъ, привязывали къ своимъ лошадямъ за шеи и держали привязанными такъ по мѣсяцу и болѣе, чтобы пріучить къ неволѣ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Колчановымъ, „тарпановъ ловили преимущественно жеребятъ и беременныхъ самокъ весною; старыхъ тарпановъ-самцевъ рѣдко удавалось поймать арканомъ, вслѣдствіе ихъ быстраго бѣга и чрезвычайной осторожности". Зеленкевичъ сообщалъ, что даже двухнедѣльнаго лошенка приходилось гнать на пространствѣ 15—20 верстъ. Г. Зерцаловъ слышалъ отъ стариковъ о такомъ способѣ ловли тарпановъ: „охотникъ, накинувъ арканъ (привязанный къ его верховой лошади), самъ соскакивалъ и предоставлялъ лошадямъ свободу; домашняя, скорѣе тарпана, утомившись, останавливалась и останавливала и его вмѣстѣ съ тѣмъ".

съ прямой оленьей шеей и нѣсколько горбоносой [1]). Кеппенъ не видитъ. правда, никакихъ отличій въ типѣ этой лошади отъ остальныхъ, но, повидимому, Миддендорфъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи большаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ, это выѣзженная, вполнѣ смирная и ручная лошадка, тогда какъ остальные кони еще не поддались человѣку и отстаиваютъ свою свободу. Весьма вѣроятно, что художникъ изобразилъ эту лошадь именно для контраста съ невыѣзженными еще конями и чтобы дать понять, что лишь при помощи такой ручной лошади возможна поимка и дрессировка лошадей полудикихъ.

IV.

Доказывая, что родоначальникомъ европейской лошади былъ главнымъ образомъ, тарпанъ, г. Кеппенъ предполагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что домашняя лошадь могла произойдти и отъ смѣшенія между собою разныхъ видовъ рода Equus. Въ такомъ предположеніи убѣждаетъ его особенно догадка Палласа, что „наша домашняя собака произошла отъ смѣшенія нѣсколькихъ видовъ изъ семейства Canidae, а именно волка, шакала и лисицы. Такое же самое (?) участіе нѣсколькихъ видовъ изъ семейства Equidae могло дать начало и лошади" (стр. 157). Это мнѣніе г. Палласа представляется г. Кеппену настолько важнымъ, что онъ приводитъ его два раза въ своей статьѣ (еще на стр. 97), несмотря на то, что Палласъ писалъ объ этомъ предметѣ 115 лѣтъ тому назадъ. Конечно, отчего не пользоваться и старыми научными воззрѣніями, если они основаны на убѣдительныхъ фактахъ и если послѣ нихъ не появлялось въ наукѣ ничего болѣе обстоятельнаго. Но мемуаръ Палласа о варіаціяхъ домашнихъ животныхъ заключаетъ въ себѣ болѣе разсужденія, чѣмъ выводы. основанные на сравнительно-анатомическихъ, а тѣмъ болѣе—палеонтологическихъ данныхъ, и, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время можетъ представлять только историческое значеніе. Если бы г. Кеппенъ раскрылъ хотя бы сочиненіе Ч. Дарвина—о прирученныхъ животныхъ и просмотрѣлъ бы 1-ю его главу. посвященную собакѣ (30

---

[1]) Г. Кеппенъ, основываясь на статьѣ Стасова (въ „Отчетѣ Императорской Археографической Коммиссіи за 1872 г."), гдѣ сказано, что Миддендорфъ призналъ эту лошадь за калмыцкую, опровергаетъ это толкованіе, замѣчая, что калмыцкая лошадь (по Герингу) отличается сравнительно длинными ногами. Но въ первоначальномъ описаніи (да и въ большей части послѣдующихъ) Чертомлыцкой вазы эта лошадь сравнивается съ киргизскою, а не съ калмыцкою.

страницъ въ русскомъ переводѣ), то онъ увидѣлъ бы, что со времени Палласа литература о собакѣ обогатилась весьма многимъ. Но послѣ выхода указаннаго сочиненія Дарвина прошло тоже не мало лѣтъ (27), въ теченіи коихъ литература о домашнихъ животныхъ умножилась еще болѣе, особенно въ палеонтологическомъ отношеніи. Что касается собаки, то работы Рютимейера, Іеттелеиса, Штудера, Вольджриха, Стробеля, Неринга и другихъ дали намъ такія свѣдѣнія о древнѣйшихъ ея породахъ въ Европѣ и Америкѣ, которыя во времена Палласа были немыслимы и которыя пошли однако теперь даже въ популярныя изданія [1]). Мы обладаемъ теперь не предположеніями только, но фактами, на основаніи коихъ можемъ дѣлать болѣе достовѣрныя заключенія какъ о признакахъ древнѣйшихъ породъ собакъ, такъ и объ ихъ отношеніи къ различнымъ (отчасти уже вымершимъ) разновидностямъ шакаловъ и волковъ (но не лисицъ, участіе коихъ въ образованіи собачьихъ породъ весьма сомнительно). Вся эта новѣйшая литература осталась однако, повидимому, совершенно неизвѣстною г. Кеппену, который продолжаетъ ссылаться на Палласа, какъ на важнѣйшій авторитетъ по данному вопросу...

Кромѣ Палласа г. Кеппенъ ссылается еще на И. С. Полякова, который высказалъ мнѣніе, „что нынѣшняя домашняя лошадь, при всемъ разнообразіи ея породъ и разновидностей, есть не только результатъ культурнаго вліянія, но даже это есть продуктъ смѣшенія разныхъ видовъ рода Equus, жившихъ въ различныхъ частяхъ Стараго Свѣта". Такое мнѣніе, выраженное въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ, конечно, не можетъ быть убѣдительнымъ; необходимо было, во всякомъ случаѣ, пояснить, какіе именно „разные" виды здѣсь подразумѣваются, въ какихъ „различныхъ" частяхъ Стараго Свѣта, чѣмъ могло быть вызвано ихъ смѣшеніе, почему продукты такого смѣшенія могли не только дать плодущее потомство, но и образовать особыя породы, и какія именно породы можно считать происшедшими отъ подобнаго смѣшенія. Г. Кеппенъ имѣетъ, очевидно, въ виду дикаго азіатскаго осла, джигетая или кулана, и въ этомъ предположеніи онъ находитъ себѣ опору въ доводахъ г. Хлюдзинскаго [2]), который старался доказать, что дикій предокъ лошади долженъ былъ

[1]) *Otto*. Zur Geschichte d. ältesten Hausthiere, 1890; *Hoffmann*, Vortrag über die Abstammung des Hundes, 1891 и др.

[2]) *Хлюдзинскій*, „Матеріалы для изученія породъ лошадей", въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство", 1878 г., ч. 129.

походить по своимъ статьямъ болѣе на жеребенка нынѣшней домашней лошади, чѣмъ на взрослую особь, и находилъ тому подтвержденіе въ большемъ сходствѣ черепа жеребенка съ черепомъ джигетая, котораго онъ и склоненъ былъ поэтому считать за непосредственнаго предка лошади. Приведя это мнѣніе г. Хлюдзинскаго, г. Кеппенъ однако не позаботился собрать какихъ либо данныхъ о джигетаѣ или куланѣ, указывающихъ на возможность его прирученія или на вѣроятность его участія въ образованіи лошадиныхъ породъ. Нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи онъ могъ бы найдти даже у Брема; затѣмъ у Эверсмана встрѣчается свѣдѣніе, что одна киргизка въ Оренбургскомъ краѣ постоянно ѣздила на прирученномъ куланѣ; но наиболѣе интересныя данныя сообщилъ недавно г. Леваневскій, бывшій начальникъ Эмбенскаго уѣзда и хорошій знатокъ киргизскихъ степей, въ его очеркахъ этого края [1]). Вотъ какъ онъ описываетъ кулана и какое выражаетъ о немъ мнѣніе. „Величиной куланъ съ годовалаго жеребенка, уши у него немного больше лошадиныхъ (такой величины какъ у башкирской лошади). Масти соловой [2]), на спинѣ имѣетъ темно-бурый ремень, грива короткая изкрасна-черная, конецъ короткаго хвоста покрытъ длинными черными волосами. Нерѣдко попадаются и чубарые куланы (по рыжему фону бѣлыя пятна). Если, съ одной стороны, совершенно отвергнуть ничѣмъ недоказанное мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что родоначальникъ нашей домашней лошади вымеръ, дать затѣмъ полное вѣроятіе теоріи Дарвина,—съ другой стороны, если вспомнить, что гиксы первые доставили египтянамъ лошадь, то невольно является вопросъ, откуда они добыли ее. Они должны были непремѣнно искать ее въ пустынныхъ степяхъ Аравіи, Персіи, Индіи, Палестины, Средней Азіи,—мѣстахъ, въ которыхъ и донынѣ встрѣчается куланъ. Меня между прочимъ поражаетъ особенное стремленіе не только киргизской степной лошади, но и всякой другой, приведенной въ киргизскую степь, примыкать къ стаду кулана. Достаточно лошади услышать властное ржанье самца—кулана или нѣжное ржанье самки его, чтобы тотчасъ же покинуть свое пастбище и стремглавъ бѣжать на это ржанье... Бывали случаи, что осѣдланная лошадь, услышавъ ржаніе кулана, срывалась съ повода, уносилась въ степь и пропадала въ ней

[1]) *М. Леваневскій*. Очерки Киргизскихъ степей Эмбенскаго уѣзда, въ „Землевѣдѣніи" 1894 г., кн. IV, стр. 121—128.

[2]) Это обозначеніе масти, повидимому, не совсѣмъ вѣрно, и скорѣе слѣдовало бы употребить названіе буланый или саврасый.

безслѣдно. Чѣмъ объяснить такую замѣчательную симпатію, если не сказать страсть, домашней лошади къ кулану, какъ не родствомъ по крови, хотя бы и теряющимся въ глубокой древности. Какъ киргизская, такъ и всякая другая лошадь очень недружелюбно относится къ домашнему ослу; онъ въ свою очередь платитъ ей тѣмъ же. Сколько оселъ не ори, лошадь никогда не побѣжитъ на его призывъ, между тѣмъ за куланомъ она слѣдуетъ съ полной охотой... Куланъ-жеребенокъ, только что пойманный, обыкновенно крайне довѣрчиво относится къ человѣку и, вскормленный молокомъ домашней кобылицы, дѣлается совершенно ручнымъ, идетъ на кличку, ѣстъ изъ рукъ сахаръ, охотно позволяетъ себя оглаживать и тогда только изъявляетъ желаніе укусить или лягнуть человѣка, когда ласкающая рука коснется хребта животнаго. Только что родившійся куланъ ничѣмъ почти не отличается отъ нашего жеребенка, на видъ онъ какъ будто бы неуклюжѣе его, что не мѣшаетъ однако ему быть очень игривымъ и ловкимъ. Киргизъ № 4 аула Эмбенской волости Кульчукъ Манафовъ (нынѣ умершій) въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ѣздилъ верхомъ на куланѣ, который былъ смирнѣе всякой лошади и пасся вмѣстѣ съ ними, но отдыхать ложился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ конскаго табуна... Киргизы по западному берегу Аральскаго моря и Усть-Урту охотятся на кулановъ и подкарауливаютъ ихъ, стрѣляя изъ ружей на тропахъ, по которымъ куланы слѣдуютъ на водопой... Ранней весной, когда почва еще вязка, благодаря растаявшимъ снѣгамъ, куланъ скоро устаетъ отъ сильнаго бѣга. Киргизы пользуются этимъ временемъ и ловятъ кулановъ укрюками (длинными гибкими палками съ петлей изъ волосянаго аркана на тонкомъ концѣ), преслѣдуя ихъ на лучшихъ своихъ скакунахъ". Изъ этого описанія видно, что куланъ, во-первыхъ, можетъ быть прирученъ, а во-вторыхъ, что онъ легко смѣшивается съ домашними лошадьми,—оба факта допускающіе возможность предположенія объ участіи этого дикаго вида въ генеалогіи степной лошади азіатскихъ низменностей.

Г. Леваневскому осталось однако, повидимому, неизвѣстнымъ, что въ Центральной Азіи, въ недавнее время была найдена настоящая дикая лошадь—названная Поляковымъ Equus Przewalskii. Первыя свѣдѣнія о ней получены были Н. М. Пржевальскимъ, но самъ этотъ путешественникъ не могъ добыть ни одного экземпляра ея ни живаго, ни мертваго, и только случайно, въ Зайсанскомъ посту, могъ пріобрѣсти шкуру и черепъ жеребенка этой породы. Кромѣ того, и свѣдѣнія, полученныя Пржевальскимъ, относились большей частью не къ дикимъ, а къ одичавшимъ лошадямъ, появив-

шимся особенно въ разныхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Монголіи послѣ возстанія дунганъ и вызваннаго имъ разоренія страны. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія были собраны только М. В. Пѣвцовымъ и братьями Г. и Е. Грумъ-Гржимайло. Изъ нихъ свѣдѣнія, собранныя послѣдними, особенно Е. Грумъ-Гржимайло, были помѣщены уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Нивѣ" [1]), и г. Кеппенъ могъ бы воспользоваться ими для своей статьи, что было бы не лишнимъ для сравненія съ данными о тарпанѣ. Но въ новѣйшее время свѣдѣнія эти были нѣсколько пополнены въ I томѣ описанія путешествія г. Грумъ-Гржимайло [2]). Съ другой стороны, свѣдѣнія, собранныя М. В. Пѣвцовымъ, не были еще напечатаны, и я обязанъ ими вниманію Михаила Васильевича, любезно сообщившаго ихъ мнѣ въ письмѣ. Въ виду интереса этихъ данныхъ для вопроса о дикихъ лошадяхъ, я позволю себѣ изложить здѣсь ихъ сущность.

Г. Пѣвцову не пришлось самому увидать дикихъ лошадей, но изъ показаній туземцевъ-торгоутовъ онъ могъ узнать, что нынѣ дикія лошади водятся только въ безлюдной пустынѣ между р. Манасомъ и меридіаномъ восточной оконечности Тянь-Шаня. Онѣ живутъ преимущественно въ большихъ пескахъ, покрывающихъ южную часть этой пустыни на протяженіи 400 верстъ въ длину и отъ 50 до 80 верстъ въ ширину. Въ означенныхъ пескахъ, покрытыхъ большей частью высокимъ саксауломъ, встрѣчаются мѣстами плоскія впадины, поросшія рѣдкимъ приземистымъ камышомъ и немногими солянками, которыми и питаются живущіе въ тѣхъ пескахъ дикія лошади, верблюды, куланы и антилопы. Благодаря незначительной глубинѣ водоносныхъ горизонтовъ въ этихъ впадинахъ, обитающія въ ихъ окрестностяхъ травоядныя легко добываютъ себѣ воду: онѣ выбиваютъ ногами въ наиболѣе углубленныхъ мѣстахъ впадинъ довольно большія ямы, наполняющіяся солоноватой водой, и приходятъ къ нимъ на водопой. Изъ песковъ животныя выходятъ нерѣдко на сѣверъ, въ щебнедресвяную пустыню, покрытую мѣстами тощимъ кипцомъ (Stipa orientalis), и тамъ пасутся долгое время, если въ этой безводной пустынѣ лежитъ кое-гдѣ снѣгъ; при отсутствіи же его онѣ забѣгаютъ въ нее на короткое время попастись и возвращаются въ пески, въ окрестности своихъ водопоевъ.

Кромѣ того, перечисленныя травоядныя забѣгаютъ изъ песковъ и

---

[1]) „Дикая лошадь", въ „Нивѣ" за 1892 г. № 17.

[2]) *Грумъ-Гржимайло*. Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. I. 1896. Глава IX.

на югъ, въ обширный лиственный лѣсъ, простирающійся между меридіанами г. Гучена и сел. Хутубея, на протяженіи около 160 верстъ въ длину и отъ 40 до 60 верстъ въ ширину. Въ этомъ дѣвственномъ лѣсу они находятъ себѣ обильную пищу и воду по источникамъ, но посѣщаютъ его только осенью, зимой и весной, а лѣтомъ, когда въ немъ бываетъ много насѣкомыхъ, они избѣгаютъ его.

Объ образѣ жизни и нравахъ дикихъ лошадей, точно также какъ и верблюдовъ,—замѣчаетъ г. Пѣвцовъ,—мы очень мало знаемъ. Тѣ и другія пасутся небольшими стадами отъ 5 до 20 особей; стада же кулановъ пасутся всегда отдѣльно и отнюдь не смѣшиваются между собою не только на пастбищахъ, но и у водопоевъ. Дикія лошади, подобно верблюдамъ, отличаются необычайной дальнозоркостью, тончайшимъ чутьемъ и слухомъ. Онѣ очень осторожны; каждый табунъ имѣетъ одного караульнаго жеребца, смѣняющагося поочередно. Подойдти къ стаду на выстрѣлъ очень трудно даже въ песчаныхъ холмахъ и подъ вѣтромъ, а на открытой мѣстности совершенно невозможно. Торгоуты, охотившіеся за дикими лошадьми и верблюдами, говорили г. Пѣвцову, что они караулятъ тѣхъ и другихъ у водопоевъ, съ подхода же очень рѣдко удается ихъ убивать. Отъ выстрѣла дикія лошади и верблюды убѣгаютъ очень далеко, не исключая легко раненыхъ.

Какъ сказано, Джунгарская пустыня нынѣ служитъ единственнымъ мѣстопребываніемъ дикихъ лошадей, которыя въ другихъ пустыняхъ Центральной Азіи нигдѣ не встрѣчаются. Дикіе же верблюды, кромѣ этой пустыни, водятся еще въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ пескахъ Кумъ-Тагъ, отстоящихъ верстахъ въ 250 къ востоку отъ озера Лобъ-Нора; въ песчаной пустынѣ, простирающейся вдоль праваго берега нижней Черченъ-Дарьи, въ особенности въ окрестностяхъ мѣстности Вашъ-Шаари; въ пустынныхъ горахъ Курукъ-тагъ, на пространствѣ между Курлей и Сачжоу и, наконецъ — въ каменисто-песчаной пустынѣ между р. Эцзинъ-голомъ и Алашанемъ.—Область распространенія кулановъ еще обширнѣе. Въ Центральной Азіи они, кромѣ Джунгарской пустыни, водятся еще во множествѣ на пустынномъ плоскогорьи, прорѣзаемомъ р. Урунгу, а въ Монголіи на пустынной равнинѣ соединенныхъ озеръ Киргизъ-нора и Айрихъ-нора, въ долинѣ между Хангаемъ и Южнымъ Алтаемъ, въ Сѣверо-Восточной Монголіи, въ окрестностяхъ озера Далай-нора и Буиръ-нора, и близь подножія хребта Большаго Хингана. Зимой, когда въ этихъ суровыхъ странахъ выпадетъ много снѣга, куланы уходятъ на юго-западъ въ Гоби, гдѣ снѣга почти никогда не бываетъ, и пасутся тамъ до весны. Куланы водятся также въ большомъ числѣ въ Тибетѣ, исключая сѣверной, весьма высокой окраины его, представляющей настоящую нагорную пустыню, но на нижнихъ террасахъ ея ихъ очень много. Въ Восточномъ же Туркестанѣ, собственно въ котловинѣ Кашгаріи, въ горахъ Тянь-Шаня и на Памирскомъ нагорьѣ ихъ нѣтъ.

О внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни дикихъ лошадей единственными свѣдѣніями, основанными на личныхъ наблюденіяхъ, мы обязаны Г. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. Они предприняли спеціальную экспедицію для охоты за дикими лошадьми въ пески, залегающія широкой полосой къ сѣверу отъ Гучена, и именно въ окрестностяхъ уроч. Гашунъ. Путь отъ Гучена въ Гашунъ (верстъ 60) велъ выжженной солнцемъ равниной, поросшей мѣстами низкорослымъ камышемъ и чіемъ, до китайскаго поселка Питу-чау, а затѣмъ песками пустыни Гурбунъ-Тунгутъ, усѣянной барханами и продолговатыми, вытянутыми преимущественно въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-востокъ, невысокими гранитными кряжами, часто сочленяющимися между собою второстепенными вѣтвями и образующими небольшія полуэллипсоидальныя котловины. Песокъ по дорогѣ былъ неглубокъ и мѣстами смѣнялся каменистой почвой, но тѣмъ не менѣе идти было довольно трудно, тѣмъ болѣе, что днемъ стояла жара до 30°, а ночью дулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ понижавшій температуру до 0°. Съ грядъ, прилегающихъ къ дорогѣ, открывались роскошные виды—къ югу, на снѣговыя вершины Тянь-Шаня и къ сѣверу—на смутно вырисовывавшіяся вдали, неясныя очертанія Алтая,—гладкія, точно облитыя водою, вершины Байтыкъ-Богдо и, ближе, на зеленѣющія на огромномъ пространствѣ камыши урочища Гашунъ. Растительность стала разнообразнѣе; встрѣчались мѣста, густо заросшія камышомъ, а въ котловинкахъ густо росли солянки. Дойдя до солонцоватыхъ озеръ Ачикъ-су, путешественники остановились, разставили юрты и приготовились къ охотѣ. Мѣстность была довольно ровная; кое гдѣ пробивались ключи, образовывавшіе ручейки или разливавшіеся въ солоноватыя озерки, а далѣе смѣнявшіеся сухимъ логомъ съ отложившимися на его поверхности кристаллами соли. По степи замѣтны были тропинки, пробитыя животными и образовывавшія мѣстами болѣе широкія площадки, посреди которыхъ лежали обыкновенно пирамидальныя кучи помета. Кромѣ лошадей, въ этой мѣстности водятся еще небольшими стадами антилопы кара-куйруки и сайги или бургаки. Двѣ почи десять охотниковъ высматривали въ разныхъ мѣстахъ лошадей, но все напрасно; наконецъ, былъ примѣченъ неболь-

ной косякъ изъ семи лошадей, предводительствуемыхъ жеребцомъ, который шелъ впереди шаговъ на сто и внимательно осматривалъ и обнюхивалъ мѣстность. Не смотря на всѣ старанія, къ косяку не удалось подкрасться ближе, чѣмъ шаговъ на двѣсти, и прошло еще дня три безъ всякой удачи. Наконецъ, увидали одинъ косякъ и днемъ; онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ кобылъ и жеребятъ также подъ предводительствомъ взрослаго жеребца. При этомъ лошади оказались сравнительно гораздо менѣе осторожными, чѣмъ ночью, и подпускали къ себѣ ближе охотниковъ, хотя ихъ масть была такова, что часто вполнѣ маскировала ихъ даже на близкомъ разстояніи. Вожакъ-жеребецъ по прежнему шелъ въ сторонѣ отъ косяка, перебѣгая изъ кустовъ въ кусты и предупреждая ржаніемъ, если замѣчалъ что либо подозрительное. Съ большимъ трудомъ братьямъ Грумъ-Гржимайло удалось, пользуясь буграми и кустами, подползти къ одному косяку (верстахъ въ 12 отъ лагеря) и убить шагахъ въ 80 одного жеребца; казаки въ то же время убили другаго, а дня черезъ три, при помощи облавы, третьяго, стараго (лѣтъ 18), бродившаго отдѣльно. Кромѣ того, еще сопровождавшій охотниковъ турфанецъ подстрѣлилъ одну кобылу, такъ что всего было добыто четыре экземпляра, шкуры и черепа которыхъ поступили затѣмъ въ Зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ.

Г. Грумъ-Гржимайло описываетъ убитаго имъ жеребца (лѣтъ около 10) такимъ образомъ: „По строенію тѣла онъ имѣлъ статьи, отличающія нашихъ алтайскихъ лошадей, карабаховъ и финскихъ лошадокъ, то-есть, при сравнительно небольшомъ ростѣ—два аршина съ вершкомъ—лошадь отличалась шириною груди и крупа, широкой, массивной и короткой шеей, тонкими и изящными, какъ у скаковыхъ лошадей, ногами и широкимъ, круглымъ копытомъ. Голова казалась нѣсколько тяжелою сравнительно съ корпусомъ и имѣла широкій, красивый лобъ; линія вдоль лба къ ноздрямъ—прямая; верхняя полная губа нѣсколько заходила (нависала) надъ нижней, уши для такой массивной головы слишкомъ малы. Хвостъ, хотя и не былъ покрытъ отъ самой сурѣпицы волосами, какъ у нашей лошади, тѣмъ не менѣе былъ длиннѣе, чѣмъ у кулана. Цвѣтъ его близь сурѣпицы былъ одинаковъ съ шерстью, покрывавшей весь корпусъ животнаго, конецъ же былъ черный. Лошадь не имѣла челки, но грива ея начиналась нѣсколько впереди ушей и шла до холки; длинные волосы приходились на середину гривы. Вообще, по бѣдности волосъ на гривѣ, хвостѣ и щеткахъ, дикая лошадь напоминала текинскую.

Оригинальною особенностью этого животнаго являлись жесткія, доходившія до вершка бакенбарды, шедшія по ребру нижней челюсти, начинавшіяся немного ниже ушей и соединявшіяся подъ мордой, не доходя до подбородка. Масть лошадей каурая лѣтомъ и свѣтлогнѣдая зимой,—въ обоихъ случаяхъ съ почти бѣлыми подпалинами. Волосы на щекахъ и на лбу нѣсколько темнѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ; конецъ морды бѣловатъ, спинной ремень очень слабо выраженъ и у лошадей въ зимнемъ уборѣ совершенно пропадаетъ. Ноги до бабокъ, а равно и грива—черныя. Грива свѣшивается въ лѣвую сторону. Вообще шерсть короткая и гладкая, но у молодыхъ она курчавая. На всѣхъ четырехъ ногахъ мозоли“. Къ описанію путешествія гг. Грумъ-Гржимайло приложена фототипія, изображающая убитую дикую лошадь; она снята лежащею на брюхѣ съ поджатыми ногами и съ искусственно подпертою головой. Это, впрочемъ, не только что описанный экземпляръ, а другой—старый жеребецъ, лѣтъ 18. На фототипіи замѣтны какъ свѣтлыя подпалины (на концѣ морды, на лопаткахъ, пахахъ), такъ и толстая шея и стоячая, не густая грива. Уши средней величины, стоячія, острыя; хвостъ—у этого экземпляра—волосистъ отъ самой сурѣпицы, ремень на спинѣ—совершенно незамѣтенъ.

По отношенію къ масти дикой лошади, Грумъ-Гржимайло не совсѣмъ согласенъ съ Пржевальскимъ. Послѣдній указалъ, что киргизы называютъ дикую лошадь *кертагомъ* (вѣрнѣе, по Грумъ-Гржимайло—*кёртагомъ*), джигетая же (Asinus hemionus Pall.) они зовутъ *суртагомъ*. По Грумъ-Гржимайло „кёръ“ и „суръ“—названія мастей. „Кёръ“ значитъ мухортая, подвласая, каурая, съ большими бѣловатыми подпалинами. Когда масть темнѣе, когда нависъ (т. е. грива, хвостъ, вообще длинные (зимніе) волосы) исчерна-сѣрый и станъ издали кажется мышасто-пѣгимъ, киргизы зовутъ её „суръ“. Такимъ образомъ, и суръ-тагомъ и кёръ-тагомъ могутъ быть какъ виды Asinus, такъ и дикая лошадь: хотя, дѣйствительно, Asinus onager и Equus Przewalskii—преимущественно кёръ-таги, а Asinus hemionus—суръ-таги“. Въ письмѣ ко мнѣ Г. Е. Грумъ-Гржимайло любезно пояснилъ по моей просьбѣ, что „каурый—слово, заимственное изъ киргизскаго *кёр*,—значитъ: станъ рыжеватый съ оттѣнками въ бурый и желтый, хвостъ и грива такіе же или даже свѣтлѣе, ремень же темнѣе, но не черный. Поэтому масть Equus Przewalskii, подходя ближе всего къ каурой, отличается однако отъ нея тѣмъ, что у ней грива, ноги и хвостъ черные. „Мухортая“—собственно гнѣдая съ подпалинами, свѣтлымъ брюхомъ и свѣтлымъ же концомъ морды; мухортыми могутъ быть наз-

ваны лошади различныхъ мастей, темногнѣдыя, мышастыя, буланыя, если имѣютъ рѣзко выраженныя подпалины. „Подвласая“ — шерсть одной масти, но разныхъ оттѣнковъ, напримѣръ, темногнѣдая съ бурыми подпалинами... Можетъ быть, дикую лошадь правильнѣе было бы назвать саврасой (грива, хвостъ, ремень и ноги черные), но думается, что все же она ближе къ каурой (кёръ), хотя чисто-каурая не имѣетъ ни черныхъ ногъ, ни чернаго нависа. Саврасая—оттѣнокъ гнѣдой, каурая же скорѣе рыжей или точнѣе игреневой, которая отличается тѣмъ, что у ней нависъ и ноги всегда или одного цвѣта съ шерстью стана или даже свѣтлѣе, и спиннаго ремня нѣтъ“.

Въ печатномъ своемъ трудѣ г. Грумъ-Гржимайло сообщаетъ еще, что ему неоднократно приходилось слышать, будто кромѣ каурыхъ бываютъ еще голубыя и пѣгія лошади. Голубыхъ онъ совсѣмъ не видалъ, но пѣгихъ, казалось ему, видѣлъ, разсматривая табунъ съ двухъ—или трехверстной дистанціи; съ приближеніемъ-же къ лошадямъ пѣгая окраска пропадала. „Это можно объяснить, — замѣчаетъ онъ, — свѣтовыми эффектами. Немного взъерошенная отъ валянья шерсть или потемнѣвшій отъ омертвѣнія при линяніи волосъ не отражаютъ свѣта такъ-же сильно, какъ гладкая шерсть и живой волосъ. Поэтому такія мѣста кажутся темными пятнами. Отъ свойства освѣщенія зависитъ, вѣроятно, и кажущаяся голубая окраска лошадей. Напримѣръ, при лунномъ освѣщеніи, лошади казались совершенно бѣлыми“.

Отъ дикихъ ословъ, кулановъ и джигетаевъ, дикая лошадь, по словамъ Грумъ-Гржимайло, можетъ быть отличена лишь на близкомъ разстояніи; вообще же она всей своей фигурой, мастью и ростомъ такъ напоминаетъ кулана, что ее легко съ нимъ смѣшать. Только вблизи можно замѣтить, что „лошадь Пржевальскаго“ имѣетъ болѣе лошадиный складъ и отличія въ окраскѣ, строеніи головы, размѣрахъ ушей, болѣе короткихъ, наконецъ — въ формѣ копытъ, которыя у ословъ съуженныя и полныя, съ слабо развитой стрѣлкой, а у дикой лошади, наоборотъ, круглыя, съ хорошо развитой стрѣлкой и, большей частью, весьма глубокія, такъ что, вслѣдствіе отростанія роговой оболочки, слѣдъ этихъ животныхъ достигаетъ иногда 9½ дюймовъ длины и 6½ дюймовъ ширины, и большинство лошадей имѣетъ обломанныя копыта. Относительно сходства масти дикихъ лошадей съ мастями дикихъ ословъ, г. Грумъ-Гржимайло, въ письмѣ ко мнѣ, замѣчаетъ, что кулана, As. onager, ему мало приходилось видѣть. Вообще, онъ свѣтлѣе джигетая (As. hemionus), даже свѣтлѣе дикой

лошади; масть As. onager. по его мнѣнію, можно было бы назвать буланой, а—As. hemionus—мышисто-саврасой.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло былъ настолько любезенъ, что сообщилъ мнѣ, по моей просьбѣ, нѣкоторыя измѣренія двухъ череповъ дикой лошади (жеребцовъ), доставленныхъ имъ въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ. Хотя измѣренія, снятыя разными лицами, вообще не всегда удобно сравнивать, такъ какъ пріемы измѣреній могутъ нѣсколько разнствовать, тѣмъ не менѣе, въ виду того, что въ данномъ случаѣ измѣренія были взяты между однѣми и тѣми же опредѣленными точками, сопоставленіе ихъ представляется возможнымъ. Я позволю себѣ именно сопоставить эти измѣренія съ снятыми И. Д. Черскимъ на нѣсколькихъ черепахъ въ Музеѣ Академіи Наукъ и съ моими, снятыми на одномъ лошадиномъ черепѣ изъ Туркестана (доставленнымъ покойнымъ А. П. Федченко 25 лѣтъ тому назадъ). Всѣ измѣренія въ миллиметрахъ.

	Грумъ-Гржимайло		Д. Анучинъ.	И. Д. Черскій.						
	Eq. Prz.	Eq. Prz.	Туркест. порода.	Eq. Prz. жеребен.	Арабск. порода.	Тарпаны С.-Пб.	Тарпаны Моск.	Kiang.	Джигетай	Куланъ.
Длина черепа отъ затыл. отверстія до средины рѣзцоваго края верх. челюсти.	486	496	470	440	490	470,5	470	482	471,5	470
Наибол. длина черепа, отъ затыл. гребня до средины рѣзцов. края	535	544	530	488	540	520	512	544	522	528
Ширина лба между крайними боковыми точками заднихъ краевъ глазницъ . . .	207	207	202	187,5	206	203	206	219	201,3	205,5
Длина отъ средины вер. края затыл. отверстія до вырѣзки сошника	117	122	122	111,5	128	128	139	111	115	108
Длина отъ вырѣзки сошника до задняго конца небнаго шва	110	108	102	99,5	103,5	105	99,5	127	110	118
Длина ряда верхнихъ коренныхъ	188	170	163	—	175	172	150	165	165,5	172

Оказывается, что наиболѣе подходитъ къ черепамъ Eq. Przewalskii черепъ Туркестанской лошади (немного меньшей величины), затѣмъ черепъ арабской лошади; два же черепа тарпановъ (вообще меньшіе) уже болѣе отличаются, представляя притомъ довольно замѣтныя различія и между собою; наконецъ, черепа дикихъ ословъ удаляются еще въ большей степени, особенно по отношенію между 4-мъ и 5-мъ измѣреніями и по ширинѣ лба, причемъ однако монгольскій джигетай выказываетъ замѣтно большее сходство, чѣмъ kiang (тибетскій дикій оселъ) и киргизскій куланъ. Болѣе значенія имѣютъ впрочемъ относительные размѣры, чѣмъ абсолютные, поэтому я приведу здѣсь нѣсколько такихъ размѣровъ для дикой Eq. Przewalskii и туркестанской породы.

	Eq. Przew.	Eq. Przew.	Туркест.
а) Отношеніе длины черепа отъ зат. отверстія къ ширинѣ лба, принятой = 100 .	234	239	238
б) Отношеніе наибольшей длины черепа къ ширинѣ лба, принятой = 100 . . .	258	263	262
в) Отношеніе ширины лба къ длинѣ отъ зат. отверстія, принятой = 100	42,6	41,7	42,9
г) Отношеніе измѣренія № 4 къ № 5, принятому = 100	94,0	88,5	88,6
д) Отношеніе измѣренія № 6 къ № 1, принятому = 100.	38,7	34,2	34,7

Снова оказывается замѣтное сходство между размѣрами черепа Туркестанской породы и дикой джунгарской лошади. У Неринга [1]) отношеніе *а* выведено для большой серіи череповъ видовъ Equus, причемъ оно варіируетъ у нихъ отъ 193—224 у ословъ, до 245—257 у узколобыхъ лошадиныхъ породъ Западно-Европейскаго типа. Къ величинѣ этого размѣра у Eq. Przewalskii наиболѣе подходятъ величины, полученныя Нерингомъ для 2 череповъ арабской породы и для череповъ литовской, исландской, датской, калмыцкой лошади (также одного полуископаемаго черепа изъ Геры, въ Германіи). Отношеніе *в*—по даннымъ Черскаго—довольно сходно у тарпановъ (43,6—41,6); у джигетая (42,7) и кулана (43,6), а по даннымъ Натузіуса [2]) — у

[1]) *Nehring*, Fossile Pferde etc. S. 105—106.

[2]) *Sim. von. Nathusius*, Unterschiede zwischen der morgen—und abendländischen Pferdegruppe am Skelett etc. Ber. 1891.

кашгарскихъ лошадей (41,4 — 42), у одного лошадинаго черепа изъ Индіи (41,6), у арабскихъ (41,2—42,4), у нѣкоторыхъ исландскихъ (41—42,4—43,4—43,8—43,9—43,9) и у калмыцкихъ (41—43,1—43,6). Отношеніе *в* у арабскихъ череповъ нѣсколько меньше (80,8), а тѣмъ болѣе—у тарпановъ (78,2—69,5) и узколобыхъ породъ, тогда какъ у ословъ замѣтно больше (95,6 у джигетая, 109,2—у кулана, 114,4—у kiang). Наконецъ, отношеніе *д* представляетъ наибольшее сходство у кашгарскихъ лошадей (41,4—42), у черепа изъ Индіи (41,6), но также у тарпановъ (43,6 — 41,6), дикихъ ословъ (42,7 — 45,4), исландской, калмыцкой и другихъ лошадиныхъ породъ. Такимъ образомъ, черепъ Equus Przewalskii, относясь вообще къ широколобому, „восточному" типу, представляетъ наибольшее сходство по своимъ относительнымъ (и абсолютнымъ) размѣрамъ съ черепами домашнихъ лошадей изъ Кашгаріи, Туркестана, Индіи, а въ болѣе отдаленной степени—съ черепами другихъ широколобыхъ породъ, въ томъ числѣ и тарпановъ. Отъ дикихъ ословъ Equus Przewalskii замѣтно отличается по черепу, подходя все таки нѣсколько ближе къ монгольскому джигетаю, чѣмъ къ другимъ видамъ, у которыхъ какъ относительная ширина черепа замѣтно больше, такъ, и въ особенности, отношеніе *в* представляется обратнымъ (то-есть, больше 100).

Объ образѣ жизни дикой Джунгарской лошади, въ сравненіи съ образомъ жизни дикихъ ословъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло сообщаетъ слѣдующія подробности. „Дикая лошадь—житель равнинной пустыни и выходитъ на пастьбу и водопой ночью; съ наступленіемъ-же дня возвращается въ пустыню, гдѣ и остается отдыхать до полнаго захода солнца. Весною, когда въ табунѣ есть жеребята, она отдыхаетъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это свидѣтельствуется тѣмъ, что мною была найдена площадка около сорока квадратныхъ саженъ, сплошь покрытая толстымъ слоемъ жеребячьяго навоза... Дикіе же ослы — жители подгорныхъ странъ по преимуществу. Съ восходомъ солнца стадо ихъ выходитъ изъ горъ на пастбище и водопой, къ заходу-же солнца возвращается обратно въ горы, гдѣ и ночуетъ. Они предпочитаютъ горы, покрытыя степною растительностью, такъ называемые „сырты", но водятся также и на пустынныхъ плоскогорьяхъ. Мы встрѣчали кулановъ и джигетаевъ массами, но мѣстъ ихъ постоянныхъ кочевокъ найдти не могли.

Дикія лошади ходятъ большею частью гуськомъ, особенно, когда уходятъ отъ опасности; куланы же и джигетаи, будучи испуганы, всегда толпятся и убѣгаютъ въ безпорядкѣ. Вслѣдствіе привычки

лошадей ходить гуськомъ, по всей мѣстности Гашуна идутъ глубоко протоpенныя тропинки; между тѣмъ, тамъ, гдѣ водятся куланы и джигетаи, мы этого не встрѣчали, за исключеніемъ долины верховій Ганьчжоуской рѣки (Хый-хо) въ Нань-Шанѣ. Однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ признаковъ присутствія въ данномъ мѣстѣ дикихъ лошадей служатъ громадныя кучи помета близъ тропъ. Въ случаѣ опасности жеребецъ дикой лошади убѣгаетъ впереди въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ табунѣ нѣтъ жеребятъ, да и тогда часто отбѣгаетъ въ сторону и всѣми движеніями своими выражаетъ крайнее безпокойство; куланъ же болѣе эгоистъ и мало заботится объ опасности, угрожающей его гарему и подростающему поколѣнію.

Куланъ и джигетай не ржатъ, а кричатъ, да и то весьма рѣдко. Дикая лошадь, наоборотъ, ржетъ звонко, и ржанье это совершенно схоже съ ржаньемъ домашней лошади; точно также, когда дикая лошадь сильно испугана, то ея храпъ и фырканье напоминаютъ нашихъ лошадей. Монголами дѣлались неоднократныя попытки приручать дикихъ лошадей, но всѣ онѣ не имѣли успѣха; дикая лошадь не поддается вліянію человѣка, дичится его и не позволяетъ себя утилизировать. Ловятъ монголы лошадей весьма просто. Ко времени, когда матки жеребятся, калмыки о двуконь отправляются въ пустыню; найдя табунъ, они начинаютъ его преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока не набравшіеся еще силъ жеребята, обезсилѣвъ, не падаютъ. Ихъ тогда забираютъ и пускаютъ въ табунъ домашнихъ лошадей.

Разказываютъ, что жеребцы дикихъ лошадей иногда уводятъ домашнихъ матокъ съ собою въ пустыню, но это едва-ли вѣрно. Очень сомнительно, чтобы нашихъ домашнихъ животныхъ могли удовлетворить плохой кормъ и соленая вода, которыми вполнѣ довольствуются дикія лошади". Въ письмѣ ко мнѣ Г. Е. подтверждаетъ это послѣднее замѣчаніе, повторяя, что „монголы не могли приручить ни одной дикой лошади; онѣ или уходили или ихъ приходилось убивать. Не знаю, случали-ли ихъ съ домашними кобылами и что изъ сего выходило... Сомнѣваюсь, чтобы одичавшія домашнія лошади могли существовать на соленой водѣ. Думаю также, что едва-ли табунъ принялъ бы домашнюю лошадь".

Всѣ эти данныя, сообщенныя гг. Грумъ-Гржимайло, представляютъ большой интересъ, хотя онѣ, всетаки, по нашему мнѣнію, не разъясняютъ вполнѣ вопроса, слѣдуетъ-ли считать этихъ джунгарскихъ лошадей несомнѣнно дикими, безъ всякой примѣси домашнихъ, а равно и совершенно неспособными къ прирученію. Самъ же г. Грумъ-Гржимайло говоритъ, что монголы ловятъ дикихъ жеребятъ и „пускаютъ ихъ въ табунъ домашнихъ". Но для чего же они это дѣлаютъ, если дикіе жеребята совершенно неспособны къ прирученію? Во всякомъ случаѣ, они могутъ, очевидно, содержаться въ теченіи нѣкотораго времени вмѣстѣ съ домашними, могутъ выростать съ ними, а слѣдовательно, вѣроятно, и плодиться. Съ другой стороны, непонятно, почему г. Грумъ-Гржимайло не придаетъ вѣры разказамъ туземцевъ, что дикіе жеребцы иногда уводятъ домашнихъ матокъ съ собою въ пустыню. Самъ же онъ разказываетъ, что при охотѣ за дикими лошадьми, „сѣрко" одного казака, увидавъ дикій косякъ и услыхавъ ржанье вожака-жеребца, пустился вслѣдъ за ними и лишь съ трудомъ былъ пойманъ. Если, такимъ образомъ, даже пришлая, не джунгарская лошадь могла быть увлечена пробѣгавшимъ косякомъ, то тѣмъ болѣе такое увлеченіе возможно допустить для матокъ мѣстныхъ табуновъ. Притомъ же аналогичныя наблюденія извѣстны по отношенію къ тарпанамъ, какъ было указано выше. Замѣчаніе, что домашнія лошади не могли бы питаться растительностью пустыни съ соленою водою, также не вполнѣ убѣдительно. Пржевальскій приводитъ нѣсколько свѣдѣній объ одичавшихъ лошадяхъ въ Монголіи, которыя жили при совершенно такихъ же условіяхъ, въ пескахъ, и довольствуясь скудною растительностью и соленою водою. Одичавшія лошади Аргентинской пампы тоже имѣютъ не лучшія условія существованія и также принуждены часто довольствоваться сухою травою и соленымъ водопоемъ. Такимъ образомъ, возможно допустить, что и въ этихъ, единственныхъ теперь „дикихъ" джунгарскихъ лошадяхъ есть нѣкоторая примѣсь крови домашнихъ. Можно пойдти даже далѣе и поставить вопросъ, не слѣдуетъ-ли вообще и этихъ лошадей считать скорѣе одичавшими, чѣмъ первобытными дикими. Съ одной стороны, ихъ однообразная масть, нѣкоторые другіе признаки, характеръ мѣстности, ими обитаемой, ихъ чуткость, неподатливость человѣку—говоритъ въ пользу ихъ исконной дикости, но съ другой—есть нѣкоторыя основанія заподозрить и въ нихъ результатъ одичанія. Самъ г. Грумъ-Гржимайло, описывая свою охоту, замѣчаетъ: „мы составили себѣ совершенно превратное понятіе объ осторожности дикихъ лошадей". „Своими движеніями и видомъ онѣ точь-въ точь напоминали нашихъ домашнихъ лошадей, когда тѣ въ жаркій день тянутся одна за другой въ лѣсокъ или на водопой, или съ заходомъ солнца идутъ по деревнѣ, направляясь къ своимъ дворамъ". Въ письмѣ ко мнѣ Г. Е. пишетъ, что „дикая лошадь по сложенію очень

напоминаетъ домашнюю алтайскую: несоразмѣрно большая голова, широкій лобъ, массивное сложеніе при небольшомъ ростѣ и пр. Мы видѣли алтайскихъ лошадей безъ челки... Бакенбарды, имѣющіяся у дикихъ лошадей въ зимней шерсти, встрѣчаются и у многихъ степныхъ, домашнихъ". Масть дикихъ лошадей (каурая, саврасая) весьма обыкновенна и у домашнихъ монгольскихъ и киргизскихъ; заслуживаетъ вниманія также слабое выраженіе или даже полное отсутствіе ремня на спинѣ и полосъ на ногахъ,—признаковъ, которыхъ надо было бы ожидать у подобной первобытной расы; наконецъ, что касается черепа, то мы видѣли уже, что онъ у дикой лошади весьма сходенъ по своимъ размѣрамъ съ черепами кашгарскихъ, туркестанскихъ, индійскихъ, вѣроятно также—киргизскихъ, монгольскихъ и калмыцкихъ (по крайней мѣрѣ алтайскихъ) лошадей [1]). Все это доказываетъ, что по своему типу и особенностямъ дикая джунгарская лошадь не отличается сколько-нибудь существенно отъ домашнихъ породъ Центральной и Средней Азіи и, слѣдовательно, является или ближайшимъ дикимъ ихъ родичемъ, или непосредственнымъ одичавшимъ ихъ собратомъ [2]). Принявъ во вниманіе, что мѣстности, окружающія Джунгарскую пустыню, заселенныя различными монгольскими и тюркскими племенами, уже съ отдаленныхъ временъ испытывали культурныя вліянія, что прирученіе лошади въ этихъ областяхъ едва-ли не было древнѣйшимъ во всемъ Свѣтѣ, что страны эти подвергались неоднократно въ теченіе историческаго періода разореніямъ, и что, какъ условія народной жизни, такъ и характеръ природы—именно чередованіе земледѣльческихъ оазисовъ съ песчаными пустынями—должны были благопріятствовать здѣсь одичанію лошадей, можно не безъ нѣкотораго основанія высказать догадку, что и эти „дикія" лошади, въ сущности, скорѣе одичалыя, чѣмъ исконно дикія. Во всякомъ случаѣ, если эта Джунгарская пустыня и составляетъ послѣднее убѣжище нѣкогда пользовавшихся гораздо большимъ распространеніемъ дикихъ лошадей, то нельзя отрицать, что дикія лошади имѣли и здѣсь возможность смѣшиваться съ домашними изъ пасущихся въ степи табуновъ, и являются вообще по своему типу, несомнѣнно, близко родственными прирученнымъ породамъ Центральной и Средней Азіи.

Д. Анучинъ.

[1]) Киргизская лошадь (Эмбенскаго уѣзда), по Леваневскому, „не велика ростомъ; рѣдкая изъ нихъ достигаетъ 2 арш. и 1 вер.; обыкновенный ростъ—2 аршина. Жеребецъ, въ большинствѣ случаевъ, отличается небольшимъ ростомъ, толстой головой и прямой шеей; весь корпусъ его, лишенный красоты, служитъ только выразителемъ крѣпости, неутомимости, выносливости". Монгольскія лошади—по Пѣвцову—мелки и некрасивы; короткое туловище съ плоскимъ тазомъ, слегка выпуклый лобъ, длинный хвостъ и большія уши—составляютъ отличительные ихъ наружные признаки. Онѣ пугливы, а взятыя прямо отъ табуна, малоѣзженныя—дики, но всѣ вообще очень выносливы и крайне неприхотливы на пищу, довольствуясь даже самыми жесткими растеніями.

[2]) Повадки джунгарской лошади, какъ напримѣръ проложеніе тропъ и накопленіе кучъ помета — были замѣчены и у одичалыхъ лошадей аргентинской пампы.

По поводу статьи Ф.П.Кеппена "К истории тарпана в России".

Книжный Ренессанс
www.ren-books.com

